

Русский старожильческий говор низовий Индигирки и диалекты европейской России: сравнительный аспект

© 2025

Валерий Леонидович Васильев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; vihnn@mail.ru

Аннотация: В статье конкретизированы и классифицированы фонетико-грамматические сходства и различия между говором русских старожилов в дельте р. Индигирка (на северо-востоке Республики Саха (Якутия)) и русскими диалектами европейской России. Нижнеиндигирский старожильческий говор, носителем которого является одна из субэтнических групп русских, ранее не исследовался в сравнительном аспекте, что определяет новизну работы. Автор выделяет в нижнеиндигирском говоре: 1) типовые признаки северного наречия; 2) признаки, типовые для поморской и вологодской диалектных групп, а также для северо-восточной диалектной зоны; 3) севернорусские черты, имеющие разрозненные мелкие ареалы, обычно более заметные в западной части северного наречия и на сопредельных территориях вокруг Новгорода и Пскова; 4) черты, свойственные диалектам разных регионов европейской России, а также городскому просторечию; 5) черты, развившиеся в самом нижнеиндигирском говоре из перенесенных признаков северного наречия, в том числе черты, отражающие влияние соседних неславянских языков (юкагирского, якутского). На основании разных комплексов черт автор намечает три этапа формирования нижнеиндигирского говора. На первом этапе, который начался с 30-х гг. XVII в. и длился до середины XVIII в., в низовьях Индигирки, Колымы и других крупных якутских рек оседали мигранты — преимущественно выходцы из низовий Северной Двины, Мезени, Печоры. Была заложена севернорусская основа нижнеиндигирского говора, изменения которой были небольшими. Со второй половины XVIII в. в низовьях Индигирки усиливается культурная изоляция населения, миграция из Подвижья и Припечорья сменяется естественным приростом. На этом, втором этапе, длившемся до XX в., в местном говоре формируется множество специфических особенностей, в том числе благодаря усвоению ряда черт сибирских языков. Третий этап (с начала XX в.) характеризуется проникновением в старожильческий говор явлений просторечия и литературного языка, нивелировкой диалектной специфики.

Ключевые слова: диалектология, русский язык, севернорусские диалекты, сибирские диалекты, Сибирь, старожильческие говоры

Для цитирования: Васильев В. Л. Русский старожильческий говор низовий Индигирки и диалекты европейской России: сравнительный аспект. *Вопросы языкознания*, 2025, 3: 106–129.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.3.106-129

The Russian Old-Timers' dialect of the Lower Indigirka and the dialects of European Russia: A comparative aspect

Valery L. Vasilyev

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; vihnn@mail.ru

Abstract: The article specifies and classifies phonetic and grammatical similarities and differences between the dialect of Russian old-timers in the Indigirka River delta (in the north-east of the Republic of Sakha (Yakutia)) and Russian dialects of European Russia. The Lower Indigirka Old-Timers' dialect, spoken by one of the subethnic groups of Russians, has not been previously studied in a comparative aspect,

and this determines the novelty of the research. The author distinguishes in the Lower Indigirka dialect: 1) typical features of the Northern Russian dialect; 2) features typical for the Pomor and Vologda dialect groups, as well as for the North-Eastern dialectal zone; 3) Northern Russian dialectal features with scattered small areas, usually more noticeable in the western part of the Northern Russian dialect and in the adjacent territories around Novgorod and Pskov; 4) features characteristic of dialects from different regions of European Russia, as well as urban vernacular; 5) features that developed in the Lower Indigirka dialect itself from the transferred features of the Northern Russian dialect, including features reflecting the influence of neighboring non-Slavic languages (Yukaghir, Yakut). Based on different sets of features, the author outlines three stages in the formation of the Lower Indigirka dialect. During the first stage, which began in the 1630s and lasted until the mid-18th century, migrants settled in the lower reaches of the Indigirka, Kolyma, and other large Yakut rivers — primarily people from the lower reaches of the Northern Dvina, Mezen, and Pechora. The Northern Russian basis of the Lower Indigirka dialect was laid, and changes were minor. From the second half of the 18th century, cultural isolation of the population in the lower reaches of the Indigirka increased, and migration from the Dvina and Pechora regions was replaced by natural growth. At this second stage, which lasted until the 20th century, many specific features were formed in the local dialect, including due to the assimilation of a number of features of Siberian languages. The third stage (from the beginning of the 20th century) is characterized by the penetration of colloquialisms and the phenomena of literary language into the Old-Timers' dialect, the leveling of dialect specificity.

Keywords: dialectology, North Russian, old-timers dialects, Russian, Siberia, Siberian Russian

For citation: Vasilyev V. L. The Russian Old-Timers' dialect of the Lower Indigirka and the dialects of European Russia: A comparative aspect. *Voprosy Jazykoznanija*, 2025, 3: 106–129.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.3.106-129

Введение

В дельте р. Индигирки на арктическом северо-востоке Республики Саха (Якутия) с 1-й половины XVII в. поселялись русские землепроходцы, попавшие в иноязычное окружение сибирских народов — юкагиров, эвенов, позднее якутов. Этот микрорегион оказался в стороне от путей, ведущих из Якутска на Чукотку. Русские поселенцы дельты Индигирки мало подвергались влиянию прибывавших с «материка» промышленных, торговых, служилых и ссыльных людей. Оказавшись в изоляции, они быстро переняли уклад жизни и материальную культуру коренных жителей, сохранив при этом русское этническое самосознание, русский язык, обычаи и фольклор. В суровых условиях почти безлюдной Арктики для выживания изолированной группы, обособленной от «материкового тела» русского народа, были необходимы межэтнические браки. Это привело к метисации русских старожилов Индигирки. В результате здесь сложилась субэтническая группа русских старожилов, культурно-историческим центром которых считается село Русское Устье Аллаиховского района Якутии. Имеются многочисленные описания и исследования, посвященные жизненному укладу, обычаям, традициям, фольклору, чертам говора, истории появления индигирщиков-русскоустыинцев. К важнейшим изданиям данной тематики относятся [Зензинов 1914; Биркенгоф 1972; ФРУ 1986; Вахтин и др. 2004; Кляус, Супряга 2006; Чикачёв 1990; 2016; РАСЯ 2019; 2023].

Особенности нижеиндигирского (русскоустыинского) старожильческого говора освещались главным образом в лексикографическом отношении. Опубликованы пара словарей М. Ф. Дружининой, в которых основательно представлена нижеиндигирская лексика и фразеология (наряду с лексикой колымских и ленских старожильческих говоров) [Друж. СРСГЯ; Друж. ФСРГЯ], имеются «Диалектный словарь Русского Устья» 2005 г. [Чик. ДСРУ] и новоизданный сводный «Русскоустыинский словарь» 2024 г. [РУС], составленный на основе имеющихся лексикографических и историко-этнографических изданий XX в. Значительно хуже обстоит дело с описанием фонетики и грамматики нижеиндигирского говора, и лишь в самых общих чертах разрозненными штрихами затрагивались

фонетико-грамматические пересечения этого отдаленного островного идиома с говорами европейской России. Предыдущее мое рассмотрение таких переключек [Васильев 2017] было весьма неполным. Данное обстоятельство, собственно говоря, и определило две главные задачи настоящей работы: 1) используя метод сравнения, конкретизировать и классифицировать фонетико-грамматические сходства и различия островного нижеиндигирского старожильческого говора (далее — НИСГ) и русских «материковых», или, по более устоявшейся терминологии, — материнских говоров европейской России; 2) на основании рассмотренных диалектных черт и с опорой на культурно-исторические сведения о русском заселении Якутии обрисовать этапы формирования НИСГ.

Написанный в середине 1980-х гг. очерк М. Ф. Дружиной, озаглавленный «О говоре русских старожилов на нижней Индигирке» и помещенный в [ФРУ 1986: 356–363], является самой подробной на сегодняшний день систематизацией черт фонетики и грамматики НИСГ. Ряд особенностей НИСГ, преимущественно фонетических, изложен списком перед комментариями к фольклорным текстам, записанным в с. Русское Устье [Там же: 301–303]. Некоторые фонетико-грамматические признаки старожильческого говора приведены в Предисловии к словарю [Чик. ДСРУ: 9–10] и в статье Н. Г. Самсонова и Л. Н. Самсоновой «Русские говоры в Ленском крае», приложенной к словарю [Друж. СРСГЯ: 629–641]. Мое дальнейшее изложение конкретных особенностей НИСГ по умолчанию опирается на описание и иллюстративные примеры из указанных работ, особенно на очерк Дружиной. Кроме того, отдельные черты говора старожилов Русского Устья, вперемежку с диалектными чертами других сибирских регионов, приведены на разных страницах «Диалектологического очерка Сибири» А. М. Селищева, на который я неоднократно ссылаюсь ниже [Селищев 1921]. Имеющийся у меня диск с голосовыми записями 2007 г. баек, сказок и преданий Русского Устья в исполнении А. Г. Чикачёва, уроженца этого села, тоже позволяет составить определенное представление о своеобразии островного идиома.

Главным источником сведений об особенностях фонетики и морфологии говоров европейской России являются карты I, II и III выпусков «Диалектологического атласа русского языка» [ДАРЯ]. Выявленные на основе программ ДАРЯ типовые, классификационные признаки диалектных подразделений нетрудно найти во множестве работ по русской диалектологии, из которых я преимущественно опираюсь на сведения из [ОСН; Захарова, Орлова 1970; РД 1972; Гецова 1997; Пшеничнова 2008]. Существенно важным для сравнительного анализа НИСГ оказался учет признаков диалектных групп в северо-восточной части севернорусской территории, особенно поморской и вологодской. Типовые признаки поморской (архангельской) диалектной группы, оставшейся за пределами зоны обследования ДАРЯ, изложены в изданиях [РД 1972: 39–40; Пшеничнова 2008: 48–49]. Кроме того, фонетико-грамматическое описание говоров Поморья с образцами речи архангельских поморов («поморской говори») содержится в электронном издании [Мосеев] (раздел «Правила Поморского языка»)¹. Ареал поморской группы приходится на северные районы Архангельской области, включая нижнее и даже среднее течение Северной Двины², Онеги, Мезени и Печоры, и тянется вдоль беломорского побережья Карелии и Мурманской области. Вопрос о границах этого протяженного ареала все еще остается открытым [Нефедова 2016: 76]. К югу от поморских говоров, в южных районах Архангельской области и восточных районах Вологодской области локализуется Вологодская диалектная

¹ По словам автора, «поморську говорю» он усвоил с детства от бабушки, жившей в д. Кулой на р. Кулой (Пинежский район), и записывал в поездках по Архангельской области. Несмотря на откровенный дилетантизм в вопросах диалектологии и на политизированную ангажированность автора (сделана попытка объявить поморов особым народом, а их диалект особым языком, отдельным от русского), в данном издании находится немало образцов живой речи, которые позволяют составить некоторое представление о диалектной фонетике и грамматике.

² На диалектологической карте русского языка в Европе 1915 г. (см. Приложение в [Захарова, Орлова 1970]) южная граница поморской группы проведена немногим севернее Великого Устюга.

группа (итоговая сводная карта ДАРЯ 1965 г. урезает ее северную границу примерно по линии Великий Устюг — оз. Лаче — Каргополь). Ряд важных признаков вологодской группы ДАРЯ разделяют более восточные говоры Вятской и Пермской губерний, поэтому данную группу, в соответствии с диалектологической картой 1915 г., можно назвать восточной, или вологодско-вятской [РД 1972: 41]. Значительное число признаков, свойственных как поморской, так и вологодской диалектным группам, перечисляет большая статья О. Г. Гецово́й [1997], посвященная описанию диалектного членения на всей территории Архангельской области. Исследовательница подчеркивает, что «многие диалектные различия четко делят Архангельскую область на две части, противопоставляя северную и южную ее территории» [Там же: 156].

Неплохим историческим источником для сравнительного изучения НИСГ является «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.)», подготовленный к изданию и подробно прокомментированный Б. А. Лариным (далее — [Джемс]). Англичанин Джемс записал много старорусских слов и выражений начала XVII в., услышанных им в г. Холмогоры. Важность этого источника в рассматриваемом случае заключается в том, что местоположение Холмогор в низовьях Северной Двины примерно относится к ареалу поморской диалектной группы, а сам словарь был составлен незадолго до того времени, когда русские первопроходцы впервые достигли низовий Индигирки и Колымы. На основе записей Джемса Б. А. Ларин сформулировал некоторые фонетические и отчасти морфологические признаки старохолмогорского говора³.

Сравнительный анализ показывает, что по комплексу фонетико-грамматических черт говор русских старожилов низовий Индигирки по-разному сближается с материнскими говорами европейской России. Выделяется несколько типов сравниваемых черт, что подразумевает длительный и сложный характер формирования НИСГ.

1. Черты НИСГ, которые относят к числу распространенных дифференциальных признаков северного наречия

1.1. Полное оканье с различием фонем *o* и *a* в любом безударном положении (*на́к[ова] льня* ‘наковальня’, *мо́л[одо]сть*, *вы́л[a]лила*, *р[о]бо́та*, *р[о]зу́лся*), включая и отчетливое произношение безударной флексии *-ой* в прилагательных им. п. ед. ч. муж. р: *красно́й, ста́рой, широ́кой*.

1.2. Смычная фонема *z*.

1.3. Упрощение *ст/с't' > c/c'* на конце слов: *хвост > хвос, страc't' > страс'*.

1.4. Ассимиляция *бм > мм*: *обма́нывать > омма́нывать*.

1.5. Разветвленная категория согласуемых постпозитивных частиц: *кни́га-та, сто́л-от, о́зеро-то* в им. п. ед. ч., *кни́ги-то, стола́-та, о́зера-та* в род. п. ед. ч., *кни́гу-ту* в вин. п. ед. ч., *столу́-ту, о́зеру-ту* в дат. п. ед. ч., *кни́ги-те, столы́-те, о́зера-те* в им. п. мн. ч. и др.

1.6. Иногда отсутствие *j* в интервокальном положении и стяжение гласных в формах прилагательных: *прекрасно́, зелёна́, котора́, котору́* в соответствии с *прекрасное́, зелёная́, котора́я, котору́ю*.

1.7. Твердая *t* в флексиях 3-го лица настоящего времени глаголов.

1.8. Формы на *-а* мн. ч. существительных сред. р.: *о́кна, о́зера*.

³ Впрочем, далеко не все образцы старорусской речи, которые записал Р. Джемс, являются собственно местными, поморскими во всех своих проявлениях. Отчасти это элементы севернорусского койне, учитывая, что Холмогоры в ту эпоху были местом оживленной торговли русских, приезжавших из разных регионов, с иностранцами.

1.9. Совпадение флексий дат. и тв. падежей во мн. ч. : *ловить рука́м, сидеть с деть́м, с нам*⁴.

2. Черты НИСГ, которые относят к числу типовых, классификационных признаков поморской и вологодской диалектных групп, а также северо-восточной диалектной зоны

2.1. Характерное произношение индигирщиков, при котором мягкие свистящие фонемы *с', з'* воплощаются в мягких шипящих звуках [*ш'*], [*ж'*]: *вёши'ело, ши'ила, пиши'мо, жи'упун, жи'верочек, жи'мей, ши'аду* вместо литер. *вёс'ело, с'ила, пис'мо, з'ипун, зверёчек, змей, с'яду*; «*мясо шечкой нашек*», т. е. *мясо сечкой насе́к*⁵. Только в единичных случаях отмечают обратную мену: звук [*з'*] на месте *ж'*, сохранившей исконную мягкость (*уз'э'уже'*, см. признак 3.3). Ср. шепелявые [*с''*], [*з''*] на месте *с', з'* как классификационный признак поморской диалектной группы [Пшеничнова 2008: 48]. В поморском говоре г. Холмогоры начала XVII в. Б. А. Ларин тоже констатирует частую встречаемость шепелявых [*с''*] и [*з''*] [Джемс: 50]. В [ДАРЯ I, к. 64] отмечаются мягкие шепелявые на месте *с', з'* отдельными островами в вологодской группе, но гораздо чаще в псковской группе и возле Новгорода. Шепелявое произношение мягких свистящих, возможно, общепсковское явление [Гецова 1997: 187].

2.2. Фонемы неверхнего подъема *о, е* в первом предупредном слоге после мягких смешиваются обычно в виде звука [*е*]: *б'еру́, н'есу́, л'етит, м'еня́* и др. Такая система вокализма признается одним из типовых признаков вологодской группы [Пшеничнова 2008: 45], хотя она наблюдается и во многих других севернорусских и среднерусских говорах. Б. А. Ларин прослеживает «екающее» произношение в говоре Холмогор начала XVII в. [Джемс: 41].

2.3. Реализация бывшей фонемы **ě* («ять»), как правило, в виде [*е*] (*де́ло, река́, беда́, летит, на се́не, че́мя* при литер. *те́мя*). Эту же особенность вокализма — [*е*] на месте **ě* — считают одним из классификационных признаков современных говоров поморской группы [РД 1972: 39; Пшеничнова 2008: 48].

2.4. Частое изменение ударного *á > é* между мягкими согласными в речи индигирщиков: *опе́ть, прё́ник, ве́лить, пё́льсы, ве́жем, криче́ть, молче́ть* в соответствии с литер. *опя́ть, пря́ник, вя́лить, пя́лыы, вя́жем, крича́ть, молча́ть*; реже изменение наблюдается перед твердым: *не́тый* вместо *ня́тый*. В настоящее время данная черта признается типовой для поморской и вологодской диалектных групп [РД 1972: 39; Пшеничнова 2008: 45, 48]. В говоре Холмогор 1618–1619 гг. изменение *á > é* между мягкими осуществлялось очень последовательно [Джемс: 40]. Случаи данного перехода встречаются в древненовгородском диалекте с XII в. [Зализняк 2004: 74].

2.5. Часто наблюдаемая ассимиляция *дн > нн* (*одно́ > онно́, видно́ > ви́нно, ла́дно > ла́нно*), которую относят также к типовым чертам поморской группы [Пшеничнова 2008: 48]. В говорах вологодской группы данная черта проявляется несколько слабее.

2.6. Сохранение следов неразличения аффрикат *ц* и *ч'*: иногда мягкого (шепелявого) цоканья, иногда твердого. Судя по записям голоса А. Г. Чикачёва, в соответствии с литер.

⁴ Эта черта, традиционно относимая к числу наречных (см., например, [Пшеничнова 2008: 35]), не является общераспространенной для всего северного наречия: по материалам О. Г. Гецовой [1997: 171, 194], на территории Архангельской области данная особенность была обнаружена лишь в некоторых говорах Плесецкого района.

⁵ Благодаря такому произношению свистящих, говор в низовьях Индигирки иногда называют «шаркающим» или «шакающим», в отличие от соседних «сладкоязычных» говоров низовий Колымы (см. [Чик. ДСРУ: 10; Држ. СРГСЯ: 637]).

ч' в Русском Устье наблюдается произношение [ц'], [ц''] или [ц'ч'] (*ц'ч'истой, ц''аять, словéц'ко, дéвоц'ка*), а на месте литер. *ц* произносится твердая аффриката [ц] (*царь, осинéц*), хотя иногда и [ц''] (*ц''иплёнок 'цыпленок'*). М. Ф. Дружинина дает примеры неразличения *у́лица* и *у́лица, ча́шка* и *ца́шка, чай* и *цай*, указывая, что под влиянием литературного языка цоканье в НИСГ практически исчезло. Первичным в НИСГ наверняка было мягкое цоканье (впоследствии отвердевавшее и/или исчезающее), которое указывают как характерную черту поморской и, в несколько меньшей степени, вологодской диалектных групп [РД 1972: 39; Пшеничнова 2008: 48; Мосеев], отмечается цоканье и в говоре г. Холмогоры 1618–1619 гг. [Джемс: 49]. Севернорусское цоканье относят к явлениям новгородского происхождения [ОСН: 184].

2.7. Регулярность заударного ёканья: *бу́дёт, мо́рё, ду́маём* и др. В материнских говорах заударное ёканье свойственно в первую очередь поморской группе: помор. *мо́рё, го́рё, по-го́дьё, избомы́тьё, чи́стоё, зна́ёт, бу́дём* и др. [РД 1972: 39; Мосеев], как и говорам Архангельской области в целом («общеархангельская языковая черта» [Гецова 1997: 139]), отчасти вологодским, ладого-тихвинским [ОСН: 245, 263].

2.8. Специфические изменения начальных консонантных групп в отдельных лексемах: *мл > бл* (*блад, бладо́й* 'млад, молодой'), упрощение *мл > н*: *но́го, но́горо* 'много'. Похоже, это вклад поморских говоров, распространенных в низовьях Печоры; ср. нижнепечорск. *бладéнец, бла́день* 'младенец', *бладо́й* 'молодой', *но́го* 'много' [СРГНП, 1: 34, 421; 2: 424].

2.9. Иногда использование форм настоящего времени 3-го лица без конечного *-т* у глаголов 1-го спряжения в ед. ч. (*виля́е, па́дае, прикла́дывае, сто́й*) и у глаголов 2-го спряжения во мн. ч. (*ви́дя, но́ся*). В границах северного наречия этот признак признается типовым для поморской и ладого-тихвинской групп [Пшеничнова 2008: 45, 49]. В новгородских берестяных грамотах флексии презенса 3 л. ед. и мн. ч. без *т', т* очень часты, особенно в ранний период XI–XII вв. [Зализняк 2004: 136–137], часто встречаются они и в современных новгородских говорах, в псковской группе [ДАРЯ, II, к. 88].

2.10. Одна из выразительных черт НИСГ — наличие флексии *-оо/-ео* в род. п. ед. ч. прилагательных муж. и ср. рода (*большо́бо мужика́, бе́лоо песца́, краси́воо га́лстука, си́нео, второ́роо*), наряду с *-оуо/-ого*: *до́брооу, си́неоу* или *до́брого, си́него*. Аналогичные формы прилагательных и неличных местоимений с вариантами флексии *-оо* и *-оуо* отнесены к числу типовых признаков поморской диалектной группы, с вариантом *-оо/-ео* отмечены в ряде говоров вологодской группы [РД 1972: 40; Пшеничнова 2008: 46, 49]. В работе [Гецова 1997: 142] формы на *-оуо/-ого/-оо* считаются общеархангельским морфологическим явлением.

2.11. Утрата чередования в формах 1-го лица ед. ч. настоящего времени у глаголов II спряжения с основой на переднеязычные и губные: *просю́ — про́сишь, колотю́ — колоти́шь, люблю́ — люби́шь* и др. Аналогичная морфологическая особенность: обобщенная основа настоящего времени у глаголов II спряжения (*любю́, стю́, ви́дю* и др.) — классификационный признак поморской диалектной группы [Пшеничнова 2008: 49].

2.12. Формы дат. и пред. п. ед. ч. существительных жен. р. на мягкий или шипящий согласный в НИСГ имеют флексию *-е* (в соответствии с литер. *-и*): *в грязе́, в крове́, на пече́, к дочере́, к двере́*. Такое же морфологическое явление указывают в числе типовых признаков вологодской диалектной группы, а также в поморской (где наблюдается дwoякость окончаний: *к пече́, на пече́, но и к печи́, на печи́*) [Пшеничнова 2008: 46, 49]. Кроме того, данное явление известно костромской группе и многим восточным среднерусским говорам.

2.13. Формы слова *путь*, изменяемого по продуктивному «женскому» склонению (*по путе́, путе́й*, ср. *по земле́, земле́й*), помимо НИСГ, широко распространены на северо-восточной части территории северного наречия [ОСН: 142].

2.14. Устойчивое употребление форм твор. п. ед. ч. на *-ма*, закрепившихся из древнерусского дв. ч., среди прилагательных, местоимений и числительных (*белы́ма, черны́ма, с има, с нима, за нима, с петима*); сочетающиеся с такими формами существительные в твор. п. ед. ч. имеют исход на *-ми*: *между эти́ма двума польми широко́ма, надо всима сарами сар, со ветрами буйны́ма*. Абсолютно такую же особенность констатируют в качестве

классифицирующего признака поморской группы [Пшеничнова 2008: 49], где употребительны словосочетания типа *с нóвьма (чужь́ма, такíма, пёрвьма, двума́) домáми*.

2.15. Инфинитив глаголов на заднеязычный согласный оканчивается на *-кчи, -гчи, -кти: секчи, пекчи, пекти, берегчи, помогти, лягчи* и др. В европейской России такие формы занимают всю восточную половину северного наречия и восточные среднерусские окающие говоры [ДАРЯ, II, к. 101]. В работе О. Г. Гецово́й [1997: 143] это указано как общеархангельское явление.

2.16. Инфинитивы *класти, сидести, упасти, куписти, взяти* и др., помимо НИСГ, весьма характерны для северо-востока северного наречия, включая вологодскую и поморскую группы. В Архангельской области они есть во многих говорах, хотя ареал их остается неуточненным [Гецова 1997: 188]. Инфинитивные формы на *-и* в северо-восточной диалектной зоне получили «исключительное распространение» [Захарова, Орлова 1970: 93]. В этой же зоне произошел рост числа инфинитивов на *-сти* (*купить > куписти*), объяснимый подравниванием под *класти, упасти*.

2.17. Частое употребление архаических форм им. п. ед. ч. *мати, дочи* наряду с формами вин. п. ед. ч. *мать, дочь: мати моя с Кулумы, мать дамно похоронил, хорошо пела дочи-та Катерины*. Приводят как классификационный признак вологодской диалектной группы, сохраняющийся в ряде говоров [Пшеничнова 2008: 46].

2.18. Предлог *по* в целевом значении (*ходил по перстень*), что указывают одним из типовых признаков поморской группы [Пшеничнова 2008: 50]. Еще более высока продуктивность этого синтаксического признака в юго-западной части Архангельской области, где предлог *по* для выражения целевого значения употребляется с любым существительным [Гецова 1997: 153].

2.19. Устойчивое употребление им. п. прямого дополнения, выраженного существительным жен. р. ед. ч., при разных формах глаголов, предикативных наречиях: *рыба кушать будем, шапка твоя заберу, пушнина сдасти, надо сумка новая, рыба видно* и др. Тожественный синтаксический признак указывают в качестве классификационного для поморской группы: *надо картошка, косить трава, несуд вода* и т. п. [Пшеничнова 2008: 49]. Ср. еще словосочетание *розбить голова́*, записанное Р. Джемсом в поморском говоре Холмогор 1618–1619 гг. [Джемс: 165]. Конструкция типа *вода пити* отражена в новгородских берестяных грамотах с XII в., в смоленской и полоцкой ранней письменности и, возможно, является по происхождению древней синтаксической особенностью псковских и смоленских кривичей [Зализняк 2004: 156–157]. В древненовгородский период дополнение в им. п. употреблялось только перед инфинитивом и единично перед императивом (*прилбница даи*, XIV в.) [Там же]. В современных западных среднерусских и севернорусских говорах, производных от древненовгородско-псковского диалекта, добавились еще изменяемые глагольные формы и наречия-предикативы, см., например, [ДАРЯ, III, ч. 2, к. 5, 6].

Комментарий к комплексам признаков 1 и 2. Наречные признаки 1.1–1.9 однозначно свидетельствуют о севернорусской языковой основе говора русских старожил в низовьях Индигирки. Значительный ряд выразительных междиалектных схождений (2.1–2.19) демонстрирует, что НИСГ среди диалектных подразделений северного наречия более всего близок к говорам поморской группы и, быть может, в несколько меньшей степени, — к говорам вологодской группы. Некоторые из признаков (2.4, 2.5, 2.6, 2.9, 2.19), считающихся типовыми для этих диалектных групп, по происхождению и/или распространению новгородско-псковские⁶. Столь очевидная близость к группам говоров, занимающих северо-восточные области северного наречия, вполне согласуется с социальным

⁶ Не ясно, надо ли к их числу добавить признак 2.1 (*с', з'* в виде [*ш'*], [*ж'*]), один из самых выразительных в НИСГ. Данная черта была типовой для древнепсковского диалекта и встречалась в речи средневековых новгородцев, но в собственно новгородских документах отмечается лишь изредка [Зализняк 2004: 52]. Севернорусское шепелявенье обычно отделяют от псковского шепелявья, объясняя его появление иными причинами [Касаткин 1999: 319–324]. В Сибири разные

составом первых русских поселенцев — мигрантов на севере Якутии (низовья рек Лена, Индигирка, Колыма, Оленек) в 40-е гг. XVII в., которые, собственно говоря, и положили начало рассматриваемому русскому говору в низовьях Индигирки. Судя по записям якутских таможен XVII в., почти на 90 % этими мигрантами-промысловиками являлись выходцы из восточных районов Русского Севера и Предуралья: устюжане (целых 24 %!), вычегжане, важенины, холмогорцы, сысолятины, выметяне, мезенцы, пинежане и др. Среди мигрантов 4 % составляли служилые люди из Сибири, которые тоже почти наверняка являлись севернорусами в ту эпоху. Уроженцев Центральной России (москвичей, ярославцев, нижегородцев) было всего 5 %, и 1 % составляли выходцы из юго-западных окраин России [Строгова 2023: 9–11].

3. Черты НИСГ, которые проявляются в разных севернорусских диалектных группах разрозненными мелкими ареалами, но, как правило, более заметными в западной части северного наречия и на сопредельных территориях среднерусских новгородских говоров и псковской группы

3.1. Нередкая лабиализация *o > u* обычно в безударном положении: *бу́ится* ‘боится’, *на-лучёнца* ‘полотенце’, *сумно́й* ‘со мной’, *гову́рит* ‘говорит’, *гувору́* ‘говорю’ и др. Ср. отражение перехода *o > u* в безударном положении в лексике г. Холмогоры 1618–1619 гг. [Джемс: 41]. Данная особенность встречается островными ареалами в северном наречии, чаще в западной его половине (ладого-тихвинская и онежская группы, белозерско-бежецкие говоры), но и островами возле Великого Устюга [ДАРЯ, I, к. 1]. В работе [Гецова 1997: 140] признается общерхангельской чертой. «Для многих говоров северного наречия (в отличие от среднерусских) характерно произношение именно в 1-м предударном слоге гласного /o/ повышенного подъема сильно лабиализованного, иногда, по производимому на слух впечатлению, вплоть до факультативного совпадения его с /y/» [ОСН: 145, к. на с. 146]. Это явление «преимущественно развивалось в говорах новгородского происхождения» [Там же].

3.2. Регулярная лабиализация *ы > u* после губных согласных независимо от ударения: *му́ло*, *му́ть*, *бу́ть*, *аммува́ть*, *кобу́ла*, *любопу́тной*, *копу́та* и др. при литер. *мы́ло*, *мы́ть*, *бы́ть*, *обмыва́ть*, *кобы́ла*, *любопу́тный*, *копы́та*. Данное явление, встречающееся и на Колыме, и в говоре русских старожилов с. Марково на Анадыре, отмечено для ряда говоров Вологодчины и Новгородской земли [Селищев 1921: 157; Аникин 2007: 72], единично и в Архангельской области: арх. *наобу́ден / обь́ден* ‘в течение одного дня’ [Гецова 1997: 172]. А. А. Зализняк [2004: 74] приводит случаи перехода *ы > u* после губных в новгородских берестяных грамотах XIII в.: *воудоро* ‘выдр’, *бу́ть* ‘быть’, в новгородском «Вопрошании Кириковом» XII в. (*обумати* ‘обнимать’), в новгородских топонимах, в современных пск. *вудра* ‘выдра’, *бу́ло* ‘было’. Вместе с тем эта фонетическая черта, имеющая древненовгородско-псковские истоки, но весьма редкая в северном наречии, получила в низовьях Индигирки и Колымы очень заметное развитие, надо полагать, под иноязычным воздействием. На развитие лабиализации *ы > u* не в начальном слоге, в частности после начальной *o*, могла дополнительно повлиять гармония гласных якутского языка, в соответствии с которой после *o* первого слога следуют огубленные же гласные [ГСЯЛЯ: 50].

3.3. Сохранение исконной мягкости шипящих *ш*’, *ж*’ ([*ж*]ивёт, [*ш*]ить, говори[*ш*]’, ни[*ш*]’у, [*ш*]’анка, [*ж*]’арко при литер. [*ж*]ивёт, [*ш*]ить, говори[*ш*], ни[*ш*]у, [*ш*]анка, [*ж*]

формы смешения свистящих и шипящих очень широко распространены и в отдельных регионах могли поддерживаться влиянием сибирских языков [Селищев 1921: 58–64, 203].

арко), хотя перед непередними гласными они встречаются также и отвердевшими: *по[ж] ар, пи[ш]у*. В материнских говорах мягкие шипящие встречаются небольшими разрозненными ареалами, которые более заметны на западной территории северного наречия, включая и западные среднерусские говоры, кроме того, известны компактные ареалы *ш', ж'* на востоке Кировской области и в Ивановской области [РД 1972: 75]. В ростово-суздальском диалекте *ш', ж'* отвердели уже к XV в., тогда как «в новгородском и псковском диалектах их отверждение задерживалось, причем в некоторых говорах на значительное время» [ОСН: 142].

3.4. Наряду с регулярным изменением **ě > e* (см. 2.3), в НИСГ иногда наблюдается сохранение «ять» в виде дифтонга [*ue*]: *хлеб, ниет, ниету* (= *хлеб, нет, нету*), реализация **ě* в виде [*u*] (*тiмiя/чiмiя/чiмо, нит, ниту, йiсти, сийли/шiiли* при литер. *темя, нет, нету, есть, съели*), кроме того, при записях фольклорных текстов отмечают «характерный для Русского Устья переход “ять” в “я” [’а]»: *яхать, дяла, сясти* [ФРУ 1986: 302] при литер. *ехать, дела, сесть*⁷. Сходная ситуация с рефлексацией «ять» на сегодняшний день свойственна говорам вологодской группы, говорам Заонежья и говорам возле Новгорода [ДАРЯ, I, к. 40]. В Архангельской области произношение [*u*] на месте **ě* под ударением перед мягким согласным знают в южных, юго-западных районах, и кроме того, «оно проникает клином на среднее и нижнее течение р. Сев. Двины» [Гецова 1997: 156–157]. Судя по записям ряда слов в словаре Р. Джемса, Б. А. Ларин констатирует разнообразие рефлексов «ять» в речи холмогорцев начала XVII в., где, наряду с частым переходом в звук [*u*], реже в звук [*e*], могла сохраняться и самостоятельная «ять» как в виде узкого монофтонга [*ě*] вологодско-вятского типа, так и дифтонга [*ue*] [Джемс: 41]. Вместе с тем на Русском Севере и Северо-Западе отмечена лексика и с корневым ударным [’а] на месте этимологической **ě* (арх. *цiлой, цiп, здiялал*, волог. *прiснои* и др.) [Галинская 1993: 39], что считается древней чертой диалектов кривичского ареала [Зализняк 2004: 52], спорадическая реализация **ě* под ударением перед твердым согласным в похожем на [’а] звуке средненижнего подъема обнаружена в архангельских говорах [Галинская 1993: 39]. Следовательно, НИСГ остаточно сохранил восходящую к древненовгородскому диалекту старую севернорусскую систему многообразия «ятевых» аллофонов, которая, как пишет Ф. П. Филин [1972: 170–173], прослеживается во многих памятниках новгородского происхождения XIV–XVI вв.

3.5. Отражение (в виде единичных лексикализованных следов) верхне-средней фонемы *ô* в виде гласного [*u*] или дифтонга [*uo*]: *буи/буой* ‘бой’ и его производное *буiница/буiница* ‘бойница, т. е. отдушина на потолке или же на боковой стене под потолком’, *буiзно/буiзно* ‘боязно’, *пуiйте* ‘пойте’, *вуiльно* ‘вольно’; изредка дифтонгическое происхождение по аналогии переходит на гласный *o* иного происхождения, ср. пример *дуолго* (< **дълго*), тоже приведенный М. Ф. Дружининой. Сегодня в северном наречии встречаются отдельные разрозненные говоры с семифонемным вокализмом, включающим фонему *ô*, как правило, в виде дифтонга [*uo*]. Чаще такие мелкие ареалы [*uo*] встречаются в вологодской диалектной группе, в том числе в районе Великого Устюга и к востоку от Онежского озера (онежская группа и лачские говоры) [ОСН: 258; ДАРЯ, I, к. 42], но распространены и далее на восток — в бывших Вятской и Пермской губерниях [РД 1972: 41–42].

3.6. Иногда наблюдается отсутствие перехода *é > ô*: в формах настоящего времени глаголов (*несём, несёте, мнем, плетём*), в отдельных суффиксах и корнях существительных: *телёнок, жеребёнок, мёрзнуть, плёнка, дёргать, мёртвой, лёд* и др. В настоящее время случаи *é*, не перешедшей в *ô*, сохраняются нередкими островками по всему северному наречию европейской России [ДАРЯ, I, к. 38]. Такие факты наблюдаются здесь изредка и в настоящем времени (чаще в западной части, ср. в ладого-тихвинской группе: *несё, несёшь, несём*), и среди существительных таких же категорий, что и в НИСГ: *жеребёнок, телёнок* (с суффиксом *-ен-ок*), *плёнки, замёрз, дёргать* (зачастую это корни с отвердевшим

⁷ Для *сясти* ‘сесть’, помимо фонетического, допустимо морфологическое объяснение: подравнение инфинитива под гласный основы настоящего времени *сяду, сядешь* и т. д.

p). В словаре старохолмогорского говора 1618–1619 гг. лексемы демонстрируют обычно изменение $\acute{e} > \acute{o}$, но есть и случаи сохранения \acute{e} перед твердым [Джемс: 44]⁸. При формировании северного наречия более позднее изменение $e > o$ «было характерно для говоров новгородского распространения» [ОСН: 27].

3.7. Наличие в НИСГ, наряду с губно-зубной v , следов употребления билабиальной фонемы w , близкой к гласной u . Это проявляется утратой губной в интервокальной позиции в отдельных словах (*челоэ́к, наэ́рно, тра́очка-мура́очка, де́очка* вместо *челове́к, наве́рно, тра́вочка-мура́вочка, де́вочка*), иногда изменением $w > u$ в начале слова либо в полной его утрате: *уну́к/нук, уну́чка* вместо *внук, вну́чка, серанно́* вместо *все равно*, сюда же русско-устыинск. *ласно* ‘как будто’ — пример А. М. Селищева [1921: 39] (< *власно*, ср. польск. *własny* ‘собственный’). Исчезновение интервокального губного отмечает Б. А. Ларин при описании поморского говора Холмогор начала XVII в. (*дожжоик* ‘гриб дождевик’, *лоут*), фиксирует утрату w и перед согласными: *clade, spoteala* и др. (в соответствии с *вклад, wspomela*) [Джемс: 46]. В значительной части говоров вологодской (и, шире, вологодско-вятской) группы начальная билабиальная w переходит в звук [y]: *уну́к, удова́, уре́мя* [ДАРЯ, I, к. 57; РД 1972: 42]. В архангельских, олонечких, вологодских и других севернорусских говорах w может исчезать перед лабиализованным гласным [РД 1972: 67; Гецова 1997: 174], кроме того, на Вологодчине имеются говоры, где w исчезает и перед нелабиализованными e, u : *соэ́к’киш, усло́ижа, ф траэ́* и др. (через утрату промежуточного j) [Касаткин 1999: 84]. Наличие губно-губной w в северном наречии отражает древненовгородское влияние, ибо в ростово-суздальском диалекте употреблялась губно-зубная v , оформившаяся еще в раннедревнерусское время — до падения редуцированных [Хабургаев 1980: 124].

3.8. Нередкое произношение индигирщиками аффрикаты $ц$ как [с], а $ч$ как [ш’], реже — как отвердевший [ш]: *пти́ца, светы́, сэ́рква/сэ́рква, песе́с, сэ́рсо⁹, ма́льш’ик, ш’исто, ш’а-сы́* в соответствии с *пти́ца, цветы, це́рква* ‘церковь’, *песе́ц, сэ́рдце, ма́льчик, чи́сто, часы́*. В северном наречии утрата смычного затвора у аффрикат (соканье и «шёканье») наблюдается малыми островками в вологодской группе: для $ц$ — возле Вологды, Кириллова, Вытегры, для $ч$ — возле Великого Устюга, Вельска, кое-где в костромской диалектной группе, а также возле Великого Новгорода [ДАРЯ, I: к. 45, 46]. Кроме того, большая зона соканья и «шёканья» проходит по Уралу, с распространением в Зауралье, и по происхождению данная уральская черта связана с севернорусскими говорами [РД 1972: 69], ранее [Селищев 1921: 188].

3.9. Уподобление «йот» предшествующим $л, с, з, ж, н, т$ и др., приводящее к удлинению этих согласных: *ожерэ́лле, беллё́, полжиття́, пла́тте/пла́ччэ, полóззя, ружжэ́, Наста́сса, свиння́, трéттей* и т. д., ср. литер. *ожерэ́лье, белё́, житьё́, пла́тье, полóзья, Наста́сья, свинья́, трéтьей*. На территории северного наречия данный признак представлен довольно крупными островами и в восточной, и в западной частях (вологодская, ладого-тихвинская группа, белозерско-бежецкие говоры), а также в среднерусских новгородских говорах и в псковской группе, хотя сплошной ареал данного явления показывают западные южнорусские говоры [ДАРЯ, I, к. 74]. Эта инновационная черта, возникшая не ранее XIII–XIV вв. в западнорусских землях [ОСН: 49], в северное наречие, очевидно, распространялась через новгородские говоры в бассейне оз. Ильмень.

⁸ Предположение М. Ф. Дружининой о том, что НИСГ в прошлом вообще не знал изменения $\acute{e} > \acute{o}$ как фонетического явления, выглядит опрометчивым: оно опровергается хотя бы наличием ударного ёканья — характерной особенности местного старожильского говора, унаследованной из Архангельского Севера (см. 2.7 выше). Очевидно, с самого начала своего возникновения НИСГ знал это очень раннее, еще древнерусское изменение, причем в такой же ограниченной мере, в какой знают его поморская, вологодская, ладого-тихвинская и другие диалектные группы северного наречия.

⁹ В позиции нейтрализации перед e согласный [с] закономерно становился мягким.

3.10. Аналаутное изменение $a > o$ в заимствованных словах: *омбар*, *орестовать*, *опрель*, *Огрохёна* и др. Это явление свойственно, например, поморской группе («особо характерное отличие в говоре у помора — звук [o] на месте a в начале слова»: *Ондрей*, *оптека*, *окушерка*, *орестант* и др. [Дуров СЖПЯ: 16]), но его знают не только в Поморье, но и во множестве окружающих говоров. Ясно, что перед нами не регулярные фонетические диалектизмы, а лексико-фонетические явления, спорадически проявившиеся в речи отдельных диалектоносителей.

3.11. Наличие ряда лексем, иллюстрирующих переход $a > o$ в безударных слогах: *зобор*, *зород*, *нолог*, *болотайка*, *покёт*, *почехон* и др. (при литер. *забор*, *налог*, *балотайка*, *пакёт*, *патефон*, диал. *зарод* ‘стог, скирда’). Это явление, которое трактуется как гиперкорректное оканье (что естественно на фоне свойственного НИСГ полного оканья), наблюдается в отдельных лексемах (чаще в словах с приставкой *за-* и с этимологически затемненными корнями) по всей Архангельской области [Гецова 1997: 139–140], встречается также в других окружающих говорах европейской России.

3.12. Частые вставки согласных t , d в консонантные группы *сп*, *зр*, *нр*: *строк*, *стразу*, *стреки*, *ндрав*, *здрённые* и др. (вместо *срок*, *сразу*, *с реки*, *нрав*, *зрение*). Эта черта регулярно наблюдается в Архангельской области (арх. *строк*, *здренье*, *возраст*, *ндрав* и др.) и предположительно признается общепоморской [Гецова 1997: 183]; кроме того, такие вставки спорадически фиксируются в других говорах северного наречия и за его пределами¹⁰.

3.13. Удвоенное *тт* (< *ит*) в префиксальных образованиях глагола *идти*: *подотти* ‘подойти’, *утти/утти* ‘уйти’, *натти* ‘найти’ и др. Тожественная особенность широко представлена во всех архангельских говорах [Гецова 1997: 185–186].

3.14. Упрощения некоторых групп согласных в начале слова (*ребешок* ‘гребешок’), в середине слова (*здрасвуй*, *богачество*, *царство* вместо *здравствуй*, *богачество*, *царство*) и в конце слова: *сентяб*, *октяб* вместо *сентябрь*, *октябрь*. Такого рода процессы прослеживаются во многих севернорусских говорах. Ср., например, *ресливый* ‘легко разрушающийся от удара, хрупкий’ или *ребенчатъ* ‘дребезжать’ в говорах Карелии (медв., пуд.) [СРГК, 5: 503, 518], упрощенные из *грестливый*, *гверстливый* (к новг., пск. *гверста* ‘гравий, песок’) и *бренчатъ* ‘тихо позванивать, звякать’ [Михайлова: 261]. Широко известны на Русском Севере и выпадение [т], [т'] в суффиксе *-ств-* (*рожес'во*, *ворос'во*, *балосво*), и утрата сонорных на конце слова (*добра*, но *доп*, *крем*, *мотоцик* вместо *кремель*, *мотоцикл*) в говорах, знающих противопоставление согласных по напряженности / ненапряженности [Гецова 1997: 141, 183; Касаткин 1999: 256–257]. В НИСГ часть таких упрощений поддерживалась фонетикой якутского языка, не допускающей стечения согласных в начале слова и многих групп согласных в конце слова [ГСЯЛЯ: 75, 84–85].

3.15. Обозначения лиц в им. п. ед. ч. на *-ана*: *дворяна*, *мещана*, *якучана*, *иркучана*. Помимо НИСГ, этот признак распространен разорванными ареалами по всей обследованной территории северного наречия [ОСН: 218, 221, 276], включая вологодские, архангельские, онежские, Кировские говоры [РД 1972: 144], ср. еще на севере Архангельской области помор. *вагана*, *пинежана*, *онежана* [Мосеев].

3.16. Им. п. мн. ч. некоторых существительных всех трех родов нередко имеет исход на *-ья*: *озёрья*, *поленья*, *волосья*, *каменья*, *дверья*, *рыбья* и др. Что касается форм существительных муж. р. и, очевидно, ср. р., то они встречаются разрозненными мелкими ареалами почти по всей исследованной территории материнских говоров, судя по [ДАРЯ, II, к. 27]. Ареально более показательны формы на *-ья* существительных жен. р., которые преимущественно наблюдаются на Русском Северо-Западе, в частности они считаются типовыми признаками онежской и гдовской диалектных групп [Пшеничникова 2008: 50, 66]. Формы на *-ья* восходят к древнерусским собирательным с суф. *-ь/-*.

¹⁰ Например, новг. *страмно* ‘стыдно, позорно’ [НОС: 1147], *струб* ‘сруб’, *строк* ‘срок’, *стронить* ‘уронить’ в новгородских и разных севернорусских говорах [СРГК 6: 366, 367].

3.17. Широкое распространение в НИСГ форм на -у род. и предл. падежей ед. ч. существительных муж. р.: *из зорóду, в городу́, с деся́того го́ду, в лесóчку, в меся́цѹ, во дво́ру* и т. п. Ср. примеры из разных говоров по всей Архангельской области: *у бѣре́гу, с кра́й-чику, на ка́меню, в погребу́* и др. [Гецова 1997: 142], из «поморьской говори»: *ис ка́рбасу, с пра́вова бѣре́гу, с Арьха́нгельско Юроду* [Мосеев]. Судя по картам ДАРЯ [II, к. 17, 18], такие формы наблюдаются в северном наречии отдельными островами, более заметны они в новгородских говорах, в псковской группе и особенно распространены в западных южнорусских говорах. В северном наречии данная особенность, вероятно, имеет истоки в такой древней новгородско-псковской инновации, как «распространение флексии -у из род. и мест. падежей *и-склонения на *о-склонение в гораздо более широких масштабах, нежели в других восточнославянских говорах» [Крысько 1998: 84].

3.18. По свидетельству М. Ф. Дружининой, в НИСГ существительные жен. р. род. п. ед. ч. «по большей части оканчиваются на -е»: *у стенé, с высотé* [ФРУ 1986: 360]¹¹. Следовательно, НИСГ знает две флексии род. п. ед. ч.: инновационную -е («по большей части»), модифицированную из флексии -ě мягкого варианта древнерусского склонения, и исконную -и/-ы¹². Сегодня в северном наречии господствует флексия род. п. ед. ч. -и/-ы, тогда как флексию -е отмечают кое-где маленькими разрозненными ареалами. Вместе с тем флексия -е заметными островами наблюдается в говорах Псковской и Новгородской областей, а в южном наречии она отнесена к числу типовых, дифференциальных морфологических черт [ДАРЯ, II, к. 1]. Однако в средневековое время флексия -е, судя по грамотам на бересте, была преобладающей в древненовгородском диалекте с самого начала XI в. и до конца XV в. [Зализняк 2004: 146–147], часто наблюдается она и в северодвинской документации XIV–XV вв. [Филин 1972: 364]. Надо полагать, в диалектах Русского Севера — потомках древненовгородского диалекта (онежских, поморских, отчасти вологодских и др.) форма род. п. ед. ч. на -е была заметно распространена еще в XV–XVI вв., но уже вытеснялась в этот период все более активно формой с флексией -и/-ы. В настоящее время форма род. п. ед. ч. на -е в говорах Архангельской области кое-где еще сохраняется, особенно на севере (Онежский полуостров, Лешуконский район, восточная часть побережья), но «повсеместно явно утрачивается» [Гецова 1997: 158–159]. Похоже, НИСГ с его фактами типа *у стенé, с высотé* фиксирует диалектное состояние исходной для колонизации Якутии старорусской поры начала XVII в., когда на Восточно-Европейском Севере такое окончание встречалось заметно чаще, чем сегодня.

3.19. Сохранение древнерусской формы ю (а также е) лично-указательного местоимения жен. р. вин. п. ед. ч. (в соответствии с литер. еѣ): *выдѣлывать ю, эту шкуру*. Эта местоименная форма относительно долго прослеживается, например, по новгородской берестяной письменности (грамоты 439, 705 конца XII — начала XIII в.) [Зализняк 2004: 126–127] и до сих пор фиксируется, наряду с формой е, в новгородских говорах (к востоку и северу от Новгорода) и белозерско-бежецких говорах [ДАРЯ, II, к. 67].

3.20. Устойчивое употребление йотированных местоимений жен. р. в им., род. и вин. п.: *тоѣ, одноѣ, тая, одна, тую, тойи*. Такие и подобные им местоимения являются типовыми для западной диалектной зоны, однако они часто встречаются и в новгородских говорах и редкими островками проявляются в северном наречии [ДАРЯ, II, к. 72].

3.21. Сосуществование в НИСГ, наряду с формами род. и вин. падежей *меня, тебя, себя* личных и возвратного местоимений, архаических форм *менé, тебé, себé*. Употребление

¹¹ По сообщению Н. Г. Самсонова и Л. Н. Самсоновой, эта же морфологическая особенность характерна для нижеколымского старожильческого говора, где окончание -е встречается чаще, чем -и/-ы.

¹² М. Ф. Дружинина добавляет, что, наряду с -е, в род. п. ед. ч. используется еще безударное окончание -и, иллюстрируя его парой примеров: *у ба́би, от ма́ми*. Но эти иллюстрации не показательны: в НИСГ после губных происходит регулярное замещение *ы* на *и* (см. 5.4), следовательно, ранними здесь были формы *у ба́бы, от ма́мы* с первичным окончанием -ы.

окончаний *-а* и *-е* в род. и вин. падежах личных и возвратного местоимений в настоящее время сохраняется островками на территории ладого-тихвинской диалектной группы, тесно связанной с древними говорами вблизи Новгорода, а также кое-где в вологодской группе к западу от Великого Устюга [ОСН: 180, к. 54; ДАРЯ, II, к. 62]. На новгородской территории формы *менé, тебé, себé* прослеживаются в ранних и поздних грамотах на бересте, формы *меня, тебя, себя* появляются с середины XIV в. [Зализняк 2004: 130–131].

3.22. Наличие в говоре русскоустыинцев, наряду с *мне*, форм *мене/мине* дат. п. ед. ч. В севернорусских говорах такие местоименные формы «широко употребительны» [РД 1972: 171], но *менé* встречается реже, чем *мне* [Пшеничнова 2008: 35].

3.23. Местоимение *кто* (с вариантом *охто*) может употребляться в значении неодушевленного предмета: *охто случилось; ково варить будём; а кому он научит ее; ково работать*. Аналогичное замещение относительно-вопросительного местоимения *что* (*чегó*) местоимением *кто* (*кого*) встречается в севернорусских говорах [РД 1972: 172], в псковских говорах (см. [Ронько 2020: 239]), мне приходилось наблюдать такую черту в окрестностях Новгорода¹³.

3.24. Регулярные случаи выпадения согласного «йот» в формах настоящего времени глаголов с основой на *-ај-*, *-еј-*: *знáэшъ, знáэт, знáэм* или *знашъ, знат, знам, подбегáт, хворáт, хворáшъ* в соответствии с *знáеши, знáет, знáем, подбегáет, хворáет, хворáеши*. Ср. сходные «нейотированные» формы из «поморской говори»: *отставáт, знат, бéгам, выключáют, пáдат* [Мосеев] вместо *отстава́ет* ‘отстает’, *знáет, бéгаем, выключа́ет, пáдает*. Данная черта местами встречается и в других севернорусских говорах, куда она проникла из говоров бывшей Ростово-Суздальской Руси, где со временем получила завершённое морфологическое развитие (особенно к востоку от широты Москвы) в виде появления III спряжения глаголов, см. [ОСН: 168–171]. Однако в северном наречии эта черта осталась на первоначальном фонетическом уровне и как раз в таком севернорусском состоянии представлена в НИСГ.

3.25. Полное устранение чередований в формах настоящего времени глаголов с основой на заднеязычные, которые остаются твердыми: *неку́ — неко́шь — некóт — некóм — некóте, могу́ — мóгошиъ — мбгом*. На территории северного наречия эта особенность встречается в говорах Вологодской, Кировской, Пермской областей [Селищев 1921: 250; РД 1972: 179–180].

3.26. Глагольные конструкции с тв. п., заменяющим предложно-падежные формы: *упала этой дырой, увидела окошком, выталкивают дверями*. Данное синтаксическое явление проявляется в Архангельской области, где отмечается «широкая употребительность и многозначность форм беспредложного творительного падежа» [Гецова 1997: 145]. Беспредложный тв. п. обычно в целевом значении встречается в северном наречии и примыкающих к нему с юго-запада среднерусских говорах [РД 1972: 247].

3.27. Наличие синтаксических конструкций с формой *есть* в функции связки именного сказуемого: *Марья да вокишу умная есть* ‘Марья очень умная’. Подобные конструкции распространены в части севернорусских говоров к западу и юго-западу от Онежского озера [РД 1972: 238].

3.28. Нередкое употребление частицы *да* в середине или конце предложения: *волокла да, волокла да, приволокла; эту собачку дашь да возьму; она на окошечко положила сошла да* и иные подобные примеры, известные, помимо Русского Устья, соседним русским старожильческим говорам на Колыме [Селищев 1921: 126]. Конструкции с замыкающей частицей *да*, которая, скорее всего, обозначает завершенность высказывания, закрепляет его содержание, встречаются во многих говорах Архангельской, Вологодской областей, Карелии, на северо-востоке Новгородской области [РД 1972: 251]. Многочисленные факты

¹³ Как правило, в вопросительных предложениях, где местоимение *кого* [*кóво*] постоянно замещает *что*: *Кого делаеши?* Не менее регулярно при переспросе: *Кого?*

употребления частицы *да* (зачастую трудноотличимой от союза *да*) в разнообразных значениях изложены в «Архангельском областном словаре» [АОС, 10].

Комментарий. Многие из признаков комплекса 3 считаются архаизмами новгородского (а точнее — новгородско-псковского) происхождения в северном наречии: 3.1–3.7, 3.17–3.19, 3.21, вероятно, к их числу надо отнести и 3.16, 3.23, 3.27. Очагом их формирования и/или транзитного распространения были древние говоры в бассейнах озер Ильмень и Чудского-Псковского, освоенных еще во 2-й половине I тыс. н. э. восточными славянами. В северном наречии эти признаки распространились на протяжении X–XVI вв. благодаря древненовгородской колонизации. Кроме того, с новгородской колонизацией были занесены на Русский Север инновационные черты 3.8, 3.9, 3.20, вошедшие в Ильменско-Волховский бассейн с юга, очагом формирования которых были юго-западные русские земли. Поэтому все такие признаки-новгородизмы, как правило, ареально более тяготеют к Русскому Северо-Западу, чаще проявляются в западной части территории северного наречия, включая и современные среднерусские говоры в окрестностях Новгорода и Пскова. Разумеется, языковые новгородизмы попали в низовья Индигирки не прямо из Новгородско-Псковского региона, а из Архангельского Подвinya и Припечорья, т. е. через носителей говоров поморской и вологодско-вятской групп. В самом деле среди мигрантов в северные районы Якутии в 40-е гг. XVII в. выходцев из западных областей Русского Севера, включая новгородцев, насчитывается всего 2% [Строгова 2023: 11], следовательно, их собственный языковой вклад в создание НИСГ был минимальным. Очевидно, следует исходить из того, что в 1-й половине XVII в. многие диалектные особенности новгородско-псковского происхождения, особенно архаические, намного чаще, чем сегодня, проявлялись на севернорусской территории, были лучше, чем в настоящее время, знакомы уроженцам северо-восточных областей европейской России, переселившимся в низовья Индигирки. Некоторые из перечисленных признаков (особенно 3.2) эволюционировали уже в НИСГ и в соседних говорах русских старожилов низовий Колымы.

4. Черты НИСГ, которые определяются без привязки к северному наречию, обнаруживаются во многих материнских говорах, чаще средне- и южнорусских, и порой проникают в городское просторечие

4.1. Наличие глухой губной фонемы *ф*, которая либо сохраняется в виде [*ф*] (как и во множестве русских говоров, особенно среднерусских, а также в литературном языке), либо замещается звуком [*х*] (изредка сочетанием [*хв*]), как в говорах преимущественно южнорусских: *форма*, *февраль*, *фартук*, *кафтан*, *туфли* или *хорма*, *хевраль*, *хвартук*, *кактан*, *тухли*. Произношение [*ф*] устоялось в говоре под влиянием литературной нормы очень поздно, возможно в XX в. Кроме того, в НИСГ звук [*х*] порой представлен на месте бывшей губно-губной *w* (см. еще 3.7) перед согласным и на конце слова в род. п. ед. ч.: *дехка* ‘девка’, *венцох* ‘венцов’, *лисицѣх* ‘лисиц’, *медведѣх* ‘медведей’ и др. По сообщению А. М. Селищева [1921: 29], аналогичные мены *ф* и *w* на [*х*] показывают говоры колымчан и старожилов с. Марково на Анадыре. Замещение *хв* > *ф* (*фатит*, *фастать* вместо *хвтит*, *хвстать*), свойственное более севернорусским, нежели южнорусским материнским говорам, в НИСГ наблюдается редко.

4.2. Иногда проявление «якающего» произношения: *бядá*, *лятíт*, *ня знáт* (в соответствии с *бедá*, *летíт*, *не знáет*).

4.3. Устранение чередования гласных *e*, *o* с нулем звука при склонении слов *лоб*, *пень*, *лев*, *рот* и др., что наблюдается в севернорусских, но чаще в южно- и среднерусских говорах, проникает и в современное городское просторечие [Крысин 2000].

4.4. Обобщение согласного *ч* по всей парадигме настоящего времени глагола *хотеть*: *хочу, хотим, хотите, хотят*, известное и в просторечии [Там же].

4.5. Диалектно-просторечные диссимилиации *мб > нб*, *мп > нп* (*анбар, лампа* вместо *амбар, лампа*), среднерусское изменение *нз' > нд'* в отдельных словах (*áндель* 'ангел') и др.

4.6. Вставки гласного *е*, разбивающие консонантные кластеры конца слова (*ко́рабель, кре́мель, ми́ни́стер* вместо *корабль, кремль, министр*) или их упрощение (*жи́зь* вместо *жизнь*), выпадение слогов при ускорении речи: *мово́, твово́, свово́* вместо *моево́, твоevó, своево́*.

4.7. Редкие мены *о* и *а* под ударением (*ло́мпочка, с по́лкой* при литер. *ла́мпочка, с па́лкой*), сюда же нижеиндигирск. *елáнь/елóнь* 'ровное сухое место' [Чик. ДСРУ: 24]), sporadически проявляющиеся в самых разных русских говорах, территориально разобщенных¹⁴.

4.8. Отдельные диалектно-просторечные формы императива с ударением на основе (*захо́дь, прихо́дь* и др.), наблюдаемые чаще в южнорусских говорах.

4.9. Иногда употребление в 3-м лице настоящего времени южнорусских флексий на мягкой *-т'*: *пише́ть, пишу́ть*.

4.10. Экспансия флексии *-ов* род. п. ед. ч. на имена существительные всех трех родов: *домо́в, лесо́в, на́рто́в, озёро́в, ле́то́в, до́ско́в, ю́рто́в, коро́во́в, лисице́в* и др. В европейской России повсюду наблюдается островными ареалами, особенно часто в восточных среднерусских и южнорусских говорах [ДАРЯ, II, к. 37]. В НИСГ и других старожильческих говорах¹⁵ данная поздняя инновационная черта получила существенное развитие.

4.11. Широкое использование в НИСГ посессивов с суффиксами *-ин-, -ов-, -ев-*, образованных от наименований и обозначений лиц (*жениховы родители, председателев приказ, соседевы собачки, Петрухин анбар* и др.), в отличие от современного литературного языка, где в таких случаях обычно используется родительный принадлежности: *родители жениха, приказ председателя, собачки соседа, амбар Петрухи*. Данный архаический признак хорошо известен и севернорусским говорам (см., например, помор. *оци́ева рубаха, ма́терина кофта, дёвья коса* [Мосеев], волог. *рыбья жиру, с мужовы стороны* и др. [РД 1972: 156]), и говорам центральных и южных регионов европейской России. Еще в 1-й половине XIX в. употребление притяжательных прилагательных, выражающих принадлежность лицу, в качестве нераспространенного определения было общерусским явлением, в настоящее время позиции таких конструкций более прочны в говорах южнорусских и восточных среднерусских [Кузьмина 1993: 42].

4.12. Форма мн. ч. сказуемого при согласовании с подлежащим, несущим собирательное значение: *молоде́жь рыба́чат, брига́да план выполня́ют*. Эта синтаксическая особенность, свойственная еще древнерусскому языку, продолжает и на современном этапе оставаться живой закономерностью и на севере, и на юге, кроме того, отмечается в просторечии и даже в разговорной форме литературного языка [РД 1972: 215–216].

Комментарий. Большинство признаков данного комплекса характеризуются сравнительно поздней хронологией появления в НИСГ. На первичную севернорусскую основу старожильческого говора со временем наложилось особенности средне- и южнорусской речи. Среди диалектоносителей, прибывавших в низовья Индигирки и становившихся русскоустинцами, бывали переселенцы из отдаленных центральных и южных регионов европейской России, но чаще переселялись уроженцы более южных широт Сибири, где средне- и южнорусское влияние было сильнее, чем на Индигирке. Так, отмечавшиеся в НИСГ редкие примеры «якающего» произношения (4.2) могут быть обязаны переселенцам

¹⁴ Ср., например, иркут. *лады́рь*, амур. *ладарь* 'лодырь' [СРНГ, 16: 229, 240] или твер., пск., смол. *па́рснуть* 'неожиданно ударить изо всех сил; треснуть' и новг., твер., пск., влад., моск., яросл., сиб. *по́рснуть* 'ударить, стукнуть' [СРНГ, 25: 242; 30: 90].

¹⁵ Эта же черта, по сообщению Н. Г. Самсонова и Л. Н. Самсоновой, является типовой для верхненленского (киренского) русского говора на юге Якутии [Друж. СРСЯ: 640]. А. М. Селищев [1921: 84] сообщает о наличии этой черты на Колыме, в Приангарье и других местностях.

из Забайкалья, где проживают семейские с их южнорусским яканьем [Селищев 1921: 15]. Перечисленные поздние черты обычно характеризуются нерегулярным и/или индивидуализированным проявлением. Пожалуй, раньше и лучше остальных устоялись признаки 4.10, 4.11 и 4.12. Первый из них — инновационный — по-видимому, дополнительно развился в более южных регионах Сибири и позднее в НИСГ, а второй и третий — архаические — могут в равной степени считаться либо сравнительно поздним наложением средне- и южнорусских говоров, либо ранним севернорусским наследием.

5. Черты НИСГ, развившиеся в самом этом говоре (и, быть может, в других старожильческих говорах Якутии), как правило, под субстратно-адстратным воздействием автохтонных сибирских языков

5.1. Смешение твердых шипящих *ш*, *ж* с твердыми свистящими *с*, *з*: *страшной шон пришился, залко журнал-от, созгли веш дом*. Похоже, это вариант местного дальнейшего развития указанной выше изначально устоявшейся черты смешения мягких свистящих с мягкими шипящими (см. 2.1), вызванный отвердением последних. Типологически сходную эволюцию мягкого «шепелявенья» прошли, например, отдельные говоры Псковской области, где отмечены *шапка* ‘шапка’, *золтый* ‘желтый’, *шад* ‘сад’, *жубы* ‘зубы’ и др. [Филин 1972: 269].

5.2. Проявляющееся в ряде лексем полное уподобление предшествующего согласного последующему, такое как *дл* > *лл* (*уллинить* ‘удлинить’, *селло* ‘седло’), *дм* > *мм* (*семмой* ‘седьмой’), *вн* > *нн* (*серанно* ‘все равно’), *рч* > *чч* (*разбóччиво* ‘разборчиво’), *тн* > *нн* (*ребення* ‘ребятня’), *рн* > *нн* (*благодáнный* ‘благодарный’) и др., что, по-видимому, в таком ансамбле не обнаруживается в материнских говорах европейской России¹⁶. Типовое для НИСГ поглощение «йота» предшествующими *л*, *с*, *з*, *ж*, *н* и др., приводящее к их удлинению (черта 3.9), создавало благоприятный фон для таких ассимилятивных процессов, равно как для появления в НИСГ фактов нарочитого удвоения согласных безотносительно к «йоту» типа *переллива́ет* ‘переливает’. Кроме того, могли влиять неславянские языки, например в якутском существуют переходы *рч* > *чч*, *л* > *лл* [ГСЯЛЯ: 69, 71].

5.3. Отвердение *р*' > *р* на конце слов (*булдыр, цар/сар, звер* вместо *булдырь, царь, зверь*) и во многих случаях после гласных: *мо́ро, мо́рэ, врэ́мо, го́ро, трóх, берóм, черóмха, гуво́ру, ва́ру, бру́хо, смотре́л, крэ́пко, пра́мо, стары́к, стра́пать* и т. д. в соответствии с литер. *мо́ре, вре́мя, го́ре, трéх, берéм, черёмуха, говорю́, ва́рю, бру́хо, смотре́л, крэ́пко, пра́мо, стары́к, стра́пать*. Спорадическое отвердение *р*' можно наблюдать в отдельных лексемах во многих говорах европейской России, однако НИСГ фиксирует фонетически регулярную стадию этого процесса, вызванную влиянием соседнего иноязычного окружения. А. М. Селищев [1921: 42–43] указывает, что процесс отвердения *р*' охватил огромные области Центральной и Восточной Сибири, но особенно выражен на северо-востоке Сибири.

5.4. Мена гласного *ы* на *и* со смягчением предшествующих согласных, чаще всего губных: *ми, ви, ти, ри́ба, пиль, ви́пал, я́ми, бик, ба́би, пи́жа, би́стер* (= литер. *мы, вы, ты, рыба, пыль, выпал, ямы, бык, бабы, пыж*, диал. *бысте́рь* ‘быстрина’).

5.5. Произношение [ч'] на месте *т'* (*ч'ихо, верé'ч'йя, леч'йт, плéччю* в соответствии *т'ихо, верéт'йя, лет'йт, плéтью* и др.) и — существенно реже — [т'] на месте *ч'* (*вели́тельство* ‘величество’). Данный признак отмечен как «важнейшая особенность системы согласных» местного старожильческого говора [ФРУ 1986: 303], проявляется он и в говоре русских старожилков Колымы и с. Марково на Анадыре [Селищев 1921: 68].

¹⁶ Из списка таких ассимиляций исключаются *дн* > *нн*, *бм* > *мм*, широко распространенные в северном наречии (признаки 1.4, 2.5).

5.6. Межслоговое уподобление безударных гласных *a, o* гласной *u*: *упудёт, узнувать, убувляться, амбурушка, пусуда, убувка* (в соответствии с *упадёт, узнавать, убавляться, амбарушка, посуда, обувка* 'обувь'), *кубула*, наряду с *кобула* 'кобыла', *кубул*, наряду с *кобул* 'копыл', *бутулка* 'бутылка', *утуматься* 'отыматься' и др.

5.7. Надставки гласных к начальным сочетаниям согласных: *агдэ/игде, охто́, устаршóй, истинá* при литер. *где, кто, старший, стина*. М. Ф. Дружинина в своем очерке НИСГ полагает, что это происходит под влиянием фонетики якутского языка, которому чуждо стечение начальных согласных. Впрочем, наряду с якутским, столь же допустимо говорить о юкагирском влиянии¹⁷, и, кроме того, такие надставки могут продолжать особености речи первых севернорусских поселенцев в низовьях Индигирки. Б. А. Ларин отмечает «обилие записей начального пазвука перед сочетанием согласных» в поморском говоре Холмогор начала XVII в.: *ортуть, овнука, уржаной, угди* 'где', *изрел, измет* 'взмет' и др., что, по его мнению, возможно, указывает «на оттенок речи обрусевших туземцев» [Джемс: 37].

5.8. Вставки гласных между шумным и сонорным: *кулубóк, кирéмель, куру́пной, тира́мо* при литер. *клубóк, кремль, крупный, прямо*.

5.9. Упрощение *кт > к* на конце слова: *акт > ак*.

5.10. Существительное в сочетании с *много, мало, сколько, несколько* ставится в форме им. п. ед. ч.: *сколько книги, много дома́, мало люди, много якуты́ живут*.

5.11. Наличие существительных ср. р. на *-мо* в соответствии с *-мя* в литературном языке: *зна́мо, плéмо, сэмо, вре́мо* и др. вместо *зна́мя, плéмя, сэмя, вре́мя*. Появление этой специфической черты НИСГ было связано с первоначальным включением малочисленной группы слов на *-мя* в продуктивную парадигму 2-го склонения, благодаря этому во многих рассеянных говорах европейской России такие слова стали изменяться как *пóле, мо́ре* [ДАРЯ, II, к. 22]: им. п. *вре́ме*, род. п. *вре́мя*, дат. п. *вре́мю* и т. д. Знают эту черту, отраженную на письме с конца XVI в. [Хабургаев 1990: 76], и в говорах Поморья (помор. *подбóйни-цёк-от под коровьём вымём, сгорёл во пла́ми* [Мосеев]) и особенно в вологодско-вятской группе [РД 1972: 135]. Однако в НИСГ, в отличие от материнских говоров, последовало специфическое отверждение *м' > м* (*вре́мо — вре́ма — вре́му — вре́мом* и т. д., ср. примеры: *вре́мом дорожить, íмом зовут, íмони*), которое, надо полагать, произошло под влиянием окружающих автохтонных языков, не знающих мягкости губных согласных.

5.12. Появление йотированных форм определительного местоимения *всёё, всюё, всюю* по аналогии с йотированными основами указательных местоимений *тоё, одноё, та́я, одна́я* (признак 3.20). В обследованных по программе ДАРЯ диалектах европейской России данный признак как будто не выявлялся.

5.13. Конструкции с согласованными определениями, которые выражены адъективными производными с суффиксом *-ин-* от предметной лексики с неличным значением: *нартина доска, юртина дверь, домина крыша* (вместо литер. *доска нарты, дверь юрты, крыша дома*). Очевидно, такого рода словосочетания появились по аналогии с весьма продуктивными в НИСГ посессивными конструкциями на основе обозначений лиц (см. 4.11).

5.14. Факты употребления в НИСГ специфических форм будущего времени типа *будешь спомянешь, будет спомянет*. Похоже, они появились в результате контаминации форм *будешь (будет) (в)споминать + (в)спомянешь, (в)спомянет*. Опять же контаминацией (*будешь отворять + станешь отворять*) лучше всего объяснить необычное сочетание двух вспомогательных глаголов при инфинитиве: *будешь станешь отворять*.

5.15. Расширение конструкции с им. п. дополнения на существительные в сочетании с предлогами и с прилагательными; ср. нижеиндигирские примеры М. Ф. Дружининой: *про сетка нёхто́ не знал; шел пешком целая неделя*.

¹⁷ «Если юкагирский язык заимствует из русского слово, начинающееся двумя согласными, то один из них отпадает или перед ним появляется гласный» [Крейнович 1982: 14].

5.16. В сочетании с *нет/нету* существительное ставится в им. п.: *рыба нет, дети нету, перстень нѣт, брат все то ниту*¹⁸.

5.17. Нерегулярный и не характерный для русского языка разницей в употреблении предлогов, особенно *в, на, к, с*. В целом, по словам Дружининой, местному старожильческому говору «сочетания с предлогами не свойственны», в чем видится влияние иноязычной, прежде всего якутской, грамматики [ФРУ 1986: 362]. Допустимы специфические пропуски предлогов или, наоборот, специфические вставки предлогов: *ушел больницю; нашем поселке; отдал к нему фуражку; научить к разным наукам; рубить с топором; я тебя замуж выйду; гусли играл утра до вечера; уехал свой домой*. Чаще других утрачивается предлог *в*, его утрата известна и соседним русским говорам Колымы [Селищев 1921: 39]¹⁹.

Комментарий к комплексу признаков 5. В данном комплексе представлены черты НИСГ, явно новообразованные, не занесенные в низовья Индигирки с территории материнских говоров европейской России. По-видимому, большинство перечисленных фонетико-грамматических новообразований не принадлежат исключительно НИСГ, но в определенной мере представлены в других русских старожильческих говорах Якутии в целом на северо-востоке Сибири. Отдельные признаки могли эволюционировать на исконно русской диалектной (севернорусской) почве без внешних, иноязычных импульсов (в частности, 5.1, 5.12, 5.13, 5.15), но чаще формирование комплекса 5 было обязано субстратно-адстратному воздействию иноязычного окружения на островной русский говор. Наибольшее влияние оказал якутский язык, благодаря которому закрепились фонетические особенности 5.7, 5.8, отчасти 5.2, грамматические 5.10, 5.16, 5.17, о чем справедливо пишет М. Ф. Дружинина, иллюстрируя якутскими аналогиями в своем очерке НИСГ [ФРУ 1986: 359–360, 362–363]. С якутской гармонией гласных [ГСЯЛЯ: 50], похоже, связаны специфическое межслоговое уподобление *о, а — у > у — у* в НИСГ (признак 5.6), а также усиление перенесенной из материнских говоров особенности 3.2 (переход *ы > у*, обычно после *о*). В якутском языке «в фонетически освоенных заимствованиях из русского языка мягкие *т* и *д* замещаются аффрикатами *ч* и *дь*»: *тесто > тизэстэ/чизэстэ, батист > бачыыс, ботинки > бачыынка, диво > дьибэ* и др. [ГСЯЛЯ: 61], что объясняет закрепление характерной особенности 5.5 (регулярное замещение *т'* на *ч'*, *ч*) в НИСГ; отсутствие же в НИСГ перехода *д' > дь* объяснимо тем, что в русской фонетике нет аналога звонкой якутской аффрикате *дь* [ʒ] в сильной позиции перед гласной. Упрощение сочетания *кт > к* (5.9) связано с тем, что якутский язык избегает *кт* на конце слова, что проявляется при заимствованиях из русского, например якут. *буун* из русск. *пункт*. Якутскому и/или более раннему северноюкагирскому субстратному влиянию могут быть обязаны появлением фонетический признак 5.3 (регулярное отвердение *р'*) и морфологический признак 5.11 (включение слов на *-мя* в твердый вариант склонения, благодаря отвердению *м'*) ввиду того, что в фонетике этих языков согласные *р* и *м* твердые. В регулярности перехода *ы > и* в НИСГ (5.4) предполагается скорее влияние юкагирского языка (тундренный и колымский диалекты), который, в отличие от якутского, не знает аналога русск. *ы* (в его вокализме верхний подъем занят передним [и] и задним лабиализованным [у] [Крейнович 1982: 9–10]).

По сравнению со списком фонетико-морфологических черт НИСГ, историко-диалектная интерпретация **лексико-семантических** особенностей данного островного говора представляет самостоятельную проблему, весьма сложную в силу известной атомарности и многочисленности лексики. Подробное обращение к лексике НИСГ не стоит

¹⁸ Последняя пара примеров из очерка [Селищев 1921: 129].

¹⁹ Впрочем, с предлогом *в* ситуация не прояснена, поскольку этот предлог может быть представлен билабиальной фонемой *w*, которая в НИСГ порой утрачивается в начале слова перед следующей согласной (см. 3.7). Если же отсутствие предлога *в* не фонетическое, а синтаксическое явление, то нельзя исключать возможности реликтового сохранения в НИСГ древнерусских моделей беспредложных падежей. По крайней мере сохранение конструкций с беспредложными аккузативом и локативом предполагают в отдельных говорах на западе Тверской области [Анцупова 2024].

задачей данной статьи, но имеет смысл кратко изложить некоторые выводы из прежней моей работы [Васильев 2017], где, помимо прочего, в ареальном плане обобщена вся совокупность слов на букву *Б*, взятых из словаря Русского Устья 2005 г. [Чик. ДСРУ]. Среди таких русскоустыинских (и, соответственно, нижеиндигирских) слов подавляющее большинство, порядка 30 единиц, — это лексика северного наречия (преимущественно арх., волог., олон., новг.), изредка проникавшая с севера и в более южные говоры, обычно отмечаемая на Северном и Среднем Урале и в разных регионах Сибири. Вторую группу составляет примерно десяток слов, отмечаемых в разных европейско-русских говорах, чаще в среднерусских. Третья группа из 12 слов — это местные словообразовательные производные и/или семантические инновации на базе разнодиалектной русской лексики, ограниченные только говором Русского Устья и, отчасти, соседними старожильческими русскими говорами Сибири. Четвертая группа, довольно заметная, из полутора десятка слов, представлена лексическими заимствованиями из местных сибирских языков, чаще из якутского.

Заключение. Этапы формирования НИСГ

На основании рассмотренных диалектных особенностей (фонетических, грамматических, лексических) попробуем в общих чертах наметить три главных этапа формирования русского старожильческого говора в низовьях Индигирки. На первом этапе, который начался с 30-х гг. XVII в. и длился приблизительно до середины XVIII в., в низовьях Индигирки, Колымы и других крупных якутских рек оседали мигранты-севернорусы. Судя по важнейшим, коренным чертам НИСГ, это были преимущественно выходцы из низовий Северной Двины, Мезени, Печоры, являвшиеся носителями говоров поморской группы, и в несколько меньшей мере, уроженцы более южных районов Подвинья и Северного Прикамья, т. е. носители говоров, которые сегодня относят к вологодской или, шире, к вологодско-вятской группе. Прирост русского промышленного и служилого населения на севере Якутии на первом этапе в основном обеспечивался за счет севернорусов, прибывавших на новую родину (отчасти по морю, отчасти по суше²⁰) из восточных регионов Русского (Восточно-Европейского) Севера. В этот период стабильность этнокультурной идентичности, антропологических признаков принадлежности к русским и «осознание связи и единства с Россией и русскими поддерживались постоянным притоком и ротацией кадров переселенцев», причем в XVII в. местные промысловики и казаки были в основном выходцами из Поморья [Зуев 2014: 64–66]. Преобразования севернорусской речи на севере Якутии были незначительны, поскольку продолжавшаяся миграция поддерживала сохранение диалектной среды через постоянную актуализацию связей с говорами на прежней европейской родине. Жители новоосвоенных регионов юга Сибири, которые в немалом количестве были присланы на север Якутии (но особенно на Чукотку) в 1-й половине XVIII в. [Там же: 64], практически не изменили сложившуюся языковую ситуацию, поскольку на первых порах тоже являлись носителями севернорусской речи. Можно сказать, что на огромных пространствах Центральной и Восточной Сибири в эту эпоху существовало относительно однородное севернорусское койне и низовья Индигирки были частью этого диалектного континуума. Действительно, множество севернорусских черт, характеризующих НИСГ, проявляются так или иначе в разных регионах юга Сибири от Оби или Ангары до Охотского моря, о чем достаточное представление позволяет составить сводный диалектологический очерк А. М. Селищева [1921: 20–21, 58–61, 82–83, 87–88, 105–106, 108–109, 112, 115–116]. В 1-й половине XVIII в. (или ранее?) было заложено селение Русское Устье в дельте Индигирки, ставшее центральным селением НИСГ. Топоним *Русское*

²⁰ Подробнее о трех главных путях русской колонизации Сибири [Хелимский 2000; Аникин 2007].

Устье впервые указан на рукописной карте Дмитрия Лаптева 1739 г., в селении было «пять зимовий русских и разных родов новокрещенные и якуты» (цит. по [Биркенгоф 1972: 93]).

Второй этап формирования нижеиндигирского говора я датирую серединой XVIII в. — началом XX в. Примерно с 1760-х гг. резко сократились передвижения пришедших русских людей (купцов, казаков, миссионеров, ссыльных) по Якутско-Нижнеколымскому тракту, проходившему через Верхоянск (на р. Яне) и Зашиверск (на р. Индигирке), далее на Чукотку. Благодаря этому в низовьях Индигирки и Колымы укрепилась изоляция местных русских поселенцев, ставших старожилами, от «русского мира». В результате географической изоляции и этнокультурной сепарации ускорилось освоение русскими старожилами многих элементов материальной и духовной культуры соседней абригенов [Зуев 2014: 72–73]. Уже к середине XVIII в. в результате брачных союзов севернорусов с юкагирами сформировалось смешанное потомство [Никитина 2023: 27]. Е. А. Строгова отмечает, что на севере Якутии «со второй половины XVIII в. основная роль в формировании русского населения переходит к естественному приросту, что способствует высокой степени метисации» [Строгова 2023: 14]. Актуализация указанных факторов географии и демографии (усиление внешней изоляции и преобладание естественного прироста населения в низовьях Индигирки) положили начало второму этапу формирования НИСГ, на протяжении которого данный говор оформился как своеобразный островной идиом. С одной стороны, в нем сформировался большой ряд новых фонетико-грамматических явлений, отчасти путем независимого развития первоначально перенесенных признаков (восточно)севернорусской материнской основы, отчасти благодаря субстратному воздействию и/или проникновению черт окружающих сибирских языков, прежде всего якутского (комплекс 5). Преимущественно якутский лингвистический вклад в НИСГ имеет отношение к особенностям метисации индигирцев-русскоустыинцев, в генофонде которых более заметен якутский компонент [Аксянова 2023: 179]²¹. Некоторые черты севернорусской основы НИСГ, сравнительно с современными говорами Восточно-Европейского Севера, лучше сохранили раннее состояние XVII в., особенно это касается тех признаков, которые связывают с новгородской колонизацией (3.2, 3.6, 3.8, 3.18, 3.19, 3.21 и др.). Сохранению ряда севернорусских признаков НИСГ, ныне мало представленных на Русском Севере (например, 3.16, 3.20, 3.21), способствовали контакты индигирщиков с диалектоносителями из южных регионов Сибири. Эти регионы в XVIII–XIX вв. подвергались мощному воздействию диалектов центральных и южных областей европейской России, где некоторые диалектные признаки, ставшие сегодня редкими на Севере, получили широкое распространение. Кроме того, переселенцы с юга «разбавили» севернорусскую основу НИСГ новыми признаками 4.1–4.12, что, надо полагать, происходило ближе к концу второго этапа и позднее. С другой стороны, были утрачены многие из выразительных особенностей севернорусских говоров европейской России. Утраты в наибольшей степени затронули синтаксис, в частности, характерные для Русского Севера многочисленные разнообразные конструкции со сложными предложениями, с частицей *дак*, конструкции, включающие страдательные причастия и деепричастия в функции предиката, в НИСГ оказались нивелированы. Вместе с тем под влиянием якутского языка, в котором имеются модально-вопросительные частицы *да*, *даа*, *дуо*, *дуу*, употребительные в постпозиции к сказуемому [ГСЯЛЯ: 437–438], сохранилась севернорусская синтаксическая модель с замыкающей частицей *да* (признак 3.28). Исчезли некоторые севернорусские морфологические архаизмы в системе глагола, например восходящие к древнерусскому плюсквамперфекту сложные формы прошедшего времени (типа *сын-то был уехал*; *зимой умерла была*), типовые для говоров поморской и, отчасти, вологодской групп. Лексический состав НИСГ на протяжении всего второго этапа активно пополнялся заимствованиями из соседних сибирских

²¹ В отличие от индигирцев-русскоустыинцев, в генофонде близких по говору русских старожил низовий Колымы (походчане) сильнее проявляется чукотское и юкагирское влияние [Там же].

языков и местными лексико-семантическими и словообразовательными инновациями на русской языковой почве.

Третий этап формирования НИСГ, начавшийся в первые десятилетия XX в. с установления советской власти в Якутии, характеризуется нивелирующим влиянием литературного языка и современного городского просторечия на старожильческий говор, продолжающимся по сей день. Происходит «размывание» структурного единства НИСГ, нарастание в нем вариантности звуков и форм, убывание диалектной специфики. Согласно описаниям М. Ф. Дружининой, Н. Г. Самсонова и Л. Н. Самсоновой, в говор индигирцев-русскоустыинцев проникли многие явления, свойственные литературной норме. В результате этого НИСГ сегодня характеризуется такими явными признаками нивелировки, как непоследовательное соблюдение полного оканья, наличие привнесенных элементов аканья и иканья, различение аффрикат, почти полностью вытеснившее диалектное цоканье, сокращение в речи случаев произношения [с] и [ш'] вместо ц и ч', случаев смешения свистящих и шипящих, закрепление, наряду со старыми местоименными формами *менé, тебé, себé*, новых форм *меня́, тебя́, себя́, мне́*, появление литературноязычных окончаний *-ова/-ева* у прилагательных род. п. ед. ч. (диалектные *-оо/-ео, -ого/-его* еще в конце XX в. были свойственны речи людей старшего поколения), появление новых форм им. п. ед. ч. *мать, дочь*, конкурирующих со старыми *ма́ти, до́чи*, иногда употребление глагола-сказуемого в ед. ч. при существительных-подлежащих со значением собирательности и др. Как и везде в России, проводниками литературноязычного влияния стали обязательное среднее образование, распространение средств массовой информации, городской культуры, высокая мобильность населения в XX–XXI вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АОС, 10 — *Архангельский областной словарь*. Вып. 10. *Готовыш—Дéло*. Гецова О. Г. (ред.). М.: Наука, 1999.
- ГСЯЛЯ — *Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология*. Убрятова Е. И. (отв. ред.). М.: Наука, 1982.
- ДАРЯ — *Диалектологический атлас русского языка. Карты*. Вып. I. *Фонетика*. М.: Наука, 1986; Вып. II. *Морфология*. М.: Наука, 1989; Вып. III. Ч. 2. *Синтаксис. Лексика*. Аванесов Р. И., Бромлей С. В. (ред.). М.: Наука, 1996.
- Джемс — Ларин Б. А. *Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.)*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.
- Друж. СРСГЯ — Дружинина М. Ф. *Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии*. Новосибирск: Наука, 2024.
- Друж. ФСРГЯ — Дружинина М. Ф. *Фразеологизмы в старожильческих русских говорах на территории Якутии: материалы для фразеологического словаря русских говоров*. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013.
- Дуров СЖПЯ — Дуров И. М. *Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011.
- Михайлова — Михайлова Л. П. *Словарь экстенциональных лексических единиц в русских говорах*. Петрозаводск: Изд-во КГПА; М.: Вариант, 2013.
- Мосеев — Мосеев И. *Поморьска говоря*. Архангельск: Правда Севера; М.: Белые альвы, 2005.
- НОС — *Новгородский областной словарь*. Левичкин А. Н., Мызников С. А. (изд. подгот.). СПб.: Наука, 2010.
- РУС — *Русскоустыинский словарь*. Бердникова Т. А., Чикачёв И. А. (сост.). Якутск: Типография СМИК, 2024.
- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Герд А. С. (гл. ред.). Вып. 1–6. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005.
- СРГНП — *Словарь русских говоров Низовой Печоры*. Ивашко Л. А. (ред.). Т. 1–2. СПб.: СПбГУ, 2003–2005.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. 2-е изд. Вып. 1–52. СПб.: Наука, 2002–2021.

- ФРУ 1986 — *Фольклор Русского Устья: Сборник*. Азбелев С. Н., Мещерский Н. А. (отв. ред.). Л.: Наука, 1986.
- Чик. ДСРУ — Чикачѐв А. Г. *Диалектный словарь Русского Устья*. Аникин А. Е. (отв. ред.). Новосибирск: Наука, 2005.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аксянова 2023 — Аксянова Г. А. Русские старожилы Индигирки и Колымы в XXI веке: Антропологическое исследование. *Русские арктические старожилы Якутии: генезис, идентичность, хозяйственный уклад: сб. науч. ст.* Никитина С. Е. (отв. ред.). Новосибирск: Наука, 2023, 132–210. [Aksyanova G. A. Russian old-timers of the Indigirka and Kolyma in the 21st century: An anthropological study. *Russkie arkticheskie starozhily Yakutii: genezis, identichnost', khozyaistvennyi uklad: Coll. of papers*. Nikitina S. E. (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2023, 132–210.]
- Аникин 2007 — Аникин А. Е. Три пути русских за Урал: свидетельства языка. *Сибирский филологический журнал*, 2007, 1: 70–76. [Anikin A. E. Three paths of Russians beyond the Urals: Linguistic evidence. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2007, 1: 70–76.]
- Анцупова 2024 — Анцупова А. В. Конструкции с пропуском предлога *в* в говоре деревень Западнотвинского района Тверской области. *Актуальные проблемы русской диалектологии: Материалы международной конференции*. Кармакова О. Е. (отв. ред.). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024, 11–14. [Antsupova A. V. Constructions with the omission of the preposition *v* in the dialect of villages of the Zapadnaya Dvina district of the Tver region. *Aktual'nye problemy russkoj dialektologii: Conf. proc.* Karmakova O. E. (ed.). Moscow: Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2024: 11–14.]
- Биркенгоф 1972 — Биркенгоф А. Л. *Потомки землепроходцев: Воспоминания-очерки о русских поречанах низовьев и дельты Индигирки*. М.: Мысль, 1972. [Birkenhof A. L. *Potomki zemleprokhodtsev: Vospominaniya-ocherki o russkikh porechanakh nizov'ev i del'ty Indigirki* [Descendants of explorers: Memories-essays about Russian Porechans of the lower reaches and delta of the Indigirka]. Moscow: Mysl', 1972.]
- Васильев 2017 — Васильев В. Л. К вопросу о связях севернорусских говоров с говором села Русское Устье на северо-востоке Якутии. *Севернорусские говоры*. Вып. 16. Герд А. С., Пурицкая Е. В. (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2017, 63–75. [Vasil'yev V. L. On the relations between Northern Russian dialects and the dialect of the village of Russkoye Ust'ye in the northeast of Yakutia. *Severnoruskie govory*. Iss. 16. Gerd A. S., Puritskaya E. V. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017, 63–75.]
- Вахтин и др. 2004 — Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайцгер П. *Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания*. М.: Новое изд-во, 2004. [Vakhtin N. B., Golovko E. V., Schweitzer P. *Russkiye starozhily Sibiri: Sotsial'nyye i simbolicheskiye aspekty samosoznaniya* [Russian old-timers of Siberia: Social and symbolic aspects of identity]. Moscow: Novoe Press., 2004.]
- Галинская 1993 — Галинская Е. А. О хронологии некоторых изменений в системе вокализма праславянского языка. *Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева*. Успенский Б. А., Шевелева М. Н. (ред.). М.: Изд-во МГУ, 1993, 35–46. [Galinskaya E. A. On the chronology of some changes in the Proto-Slavic vocalism. *Issledovaniya po slavyanskomu istoricheskomu yazykoznaniju. Im memoriyam of Prof. G. A. Khaburgaev*. Uspenskij B. A., Sheveleva M. N. (eds.). Moscow: Moscow Univ. Press, 1993, 35–46.]
- Гецова 1997 — Гецова О. Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика. *Вопросы русского языкознания*. Вып. VII. *Русские диалекты: история и современность*. Горшкова К. В., Ремнева М. Л. (отв. ред.). М.: Диалог-МГУ, 1997, 138–197. [Getsova O. G. Dialectal differences between Russian Arkhangelsk dialects and their characteristics from the perspective of linguistic geography. *Voprosy russkogo yazykoznanija*. Iss. 7. *Russkie dialekty: istoriya i sovremennost'*. Gorshkova K. V., Remneva M. L. (eds.). Moscow: Dialog-MGU, 1997, 138–197.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.]
- Захарова, Орлова 1970 — Захарова К. Ф., Орлова В. Г. *Диалектное членение русского языка*. М.: Просвещение, 1970. [Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialectal division of Russian]. Moscow: Prosveshchenie, 1970.]

- Зензинов 1914 — Зензинов В. М. *Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа*. М.: Типография П. П. Рябушинского, 1914. [Zenzinov V. M. *Starinnye lyudi i kholodnogo okeana. Russkoe Ust'e Yakutskoi oblasti Verkhoyanskogo okruga* [Ancient people by the cold ocean. Russkoye Ust'ye of the Yakut region of the Verkhoyansk district]. Moscow: Publ. house of P. P. Ryabushinskii, 1914.]
- Зуев 2014 — Зуев А. С. Русские на крайнем северо-востоке Сибири в XVII — начале XX века: динамика, направления и результаты этнокультурной адаптации в иноэтнической среде. *Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII — начало XXI века)*. Бауло А. В. (отв. ред.). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2014, 55–87. [Zuev A. S. Russians in the extreme northeast of Siberia in the 17th — early 20th centuries: Dynamics, directions and results of ethnocultural adaptation in a foreign ethnic environment]. *Sibir' i Russkii Sever: problemy migratsii i etnokul'turnykh vzaimodeistvii (XVII — nachalo XXI veka)*. Baulo A. V. (ed.). Novosibirsk: Press of the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences), 2014, 55–87.]
- Касаткин 1999 — Касаткин Л. Л. *Современная русская литературная и диалектная фонетика как источник для истории русского языка*. М.: Наука; Языки русской культуры, 1999. [Kasatkin L. L. *Sovremennaya russkaya literaturnaya i dialektnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka* [Modern Russian literary and dialectal phonetics as a source for the history of Russian]. Moscow: Nauka; Yazyki russkoi kul'tury, 1999.]
- Кляус, Супряга 2006 — Кляус В. Л., Супряга С. В. *Песенный фольклор русскоустыинцев Якутии и семейских Забайкалья: Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении*. Курск: Изд-во Регионального открытого социального института, 2006. [Klyaus V. L., Supryaga S. V. *Pesennyi fol'klor russkoust'yn'tsevy Yakutii i semeiskikh Zabaykalya: Materialy k izucheniyu bytovaniya v inoetnicheskom okruzenii* [Folklore songs of the Russkoye Ust'ye people of Yakutia and the Semey-skie people of Transbaikal: Materials for the study of existence in a foreign ethnic environment]. Kursk: Press of the Regional Open Social Institute, 2006.]
- Крейнович 1982 — Крейнович Е. А. *Исследования и материалы по юкагирскому языку*. Л.: Наука, 1982. [Kreinovich E. A. *Issledovaniya i materialy po yukagirskomu yazyku* [Research and materials on Yukaghir]. Leningrad: Nauka, 1982.]
- Крысин 2000 — Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века. *Исследования по славянским языкам*, 2000, 5: 34–91. [Krysin L. P. On some changes in Russian at the end of the 20th century. *Issledovaniya po slavyanskim yazykam*, 2000, 5: 34–91.]
- Крысько 1998 — Крысько В. Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне. *Вопросы языкознания*, 1998, 3: 74–93. [Krysko V. B. The Old Novgorod-Pskov dialect from the point of view of Common Slavic. *Voprosy Jazykoznanija*, 1998, 3: 74–93.]
- Кузьмина 1993 — Кузьмина И. Б. *Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте*. М.: Наука, 1993. [Kuz'mina I. B. *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte* [Syntax of Russian dialects from the perspective of linguistic geography]. Moscow: Nauka, 1993.]
- Нефедова 2016 — Нефедова Е. А. О месте архангельских говоров в диалектном членении русского языка. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 2016, 4: 75–89. [Nefedova E. A. On the place of Arkhangelsk dialects in the dialectal division of Russian. *Lomonosov Philology Journal*, 2016, 4: 75–89.]
- Никитина 2023 — Никитина С. Е. Русские арктические старожилы Республики Саха (Якутия): проблемы сохранения уникальной культуры. *Русские арктические старожилы Якутии: генезис, идентичность, хозяйственный уклад: сб. науч. ст.* Никитина С. Е. (отв. ред.). Новосибирск: Наука, 2023, 25–40. [Nikitina S. E. Russian Arctic old-timers of the Republic of Sakha (Yakutia): Problems of preservation of a unique culture. *Russkie arkticheskie starozhily Yakutii: genезis, identichnost', khozaystvennyi uklad: Coll. of papers*. Nikitina S. E. (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2023, 25–40.]
- ОСН — Орлова В. Г. (ред.). *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии*. М.: Наука, 1970. [Orlova V. G. (ed.). *Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov. Po materialam lingvisticheskoi geografii* [Formation of the Northern Russian dialect and Central Russian dialects. Based on materials from linguistic geography]. Moscow: Nauka, 1970.]
- Пшеничнова 2008 — Пшеничнова Н. Н. *Лингвистическая география (по материалам русских говоров)*. М.: Азбуковник, 2008. [Pshenichnova N. N. *Lingvisticheskaya geografiya (po materialam russkikh govorov)* [Linguistic geography (based on Russian dialects)]. Moscow: Azbukovnik, 2008.]
- РАСЯ 2019 — Никитина С. Е. (ред.). *Русские арктические старожилы Якутии: сб. науч. ст.* Якутск: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (СО РАН),

2019. [Nikitina S. E. (ed.). *Russkie arkticheskie starozhily Yakutii* [Russian Arctic old-timers of Yakutia]. *Coll. of papers*. Yakutsk: Institute of Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences), 2019.]
- РАСЯ 2023 — Никитина С. Е. (ред.). *Русские арктические старожилы Якутии: генезис, идентичность, хозяйственный уклад: сб. науч. ст.* Новосибирск: Наука, 2023. [Nikitina S. E. (ed.). *Russkie arkticheskie starozhily Yakutii: genesis, identichnost', khozyaystvennyi uklad* [Russian Arctic old-timers of Yakutia: Genesis, identity, economic practices]. *Coll. of papers*. Novosibirsk: Nauka, 2023.]
- РД 1972 — Мещерский А. Н. (ред.). *Русская диалектология*. М.: Высшая школа, 1972. [Mescherskii A. N. (ed.). *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Vysshaya shkola, 1972.]
- Ронько 2020 — Ронько Р. В. Материалы экспедиции 2019 г. в Опочецкий район Псковской области: тексты с комментарием. *Русский язык в научном освещении*, 2020, 39(1): 234–258. [Ronko R. V. Expedition to Oropchka district of the Pskov region in 2019: texts and a brief commentary. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2020, 39(1): 234–258.]
- Селищев 1921 — Селищев А. М. *Диалектологический очерк Сибири*. Вып. 1. Иркутск: Издание Государственного Иркутского ун-та, 1921. [Selishchev A. M. *Dialektologicheskii ocherk Sibiri* [A dialectological essay on Siberia]. Iss. 1. Irkutsk: Press of the State Irkutsk Univ., 1921.]
- Строгова 2023 — Строгова Е. А. Формирование постоянного русского населения и образование этнической территории на севере Якутии в XVII–XVIII вв. *Русские арктические старожилы Якутии: генезис, идентичность, хозяйственный уклад: сб. науч. ст.* Никитина С. Е. (отв. ред.). Новосибирск: Наука, 2023, 7–15. [Strogoва E. A. Formation of a permanent Russian population and the formation of an ethnic territory in the north of Yakutia in the 17th–18th centuries. *Russkie arkticheskie starozhily Yakutii: genesis, identichnost', khozyaystvennyi uklad: Coll. of papers*. Nikitina S. E. (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2023, 7–15.]
- Филин 1972 — Филин Ф. П. *Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк*. Л.: Наука, 1972. [Filin F. P. *Proiskhozhdenie russkogo, ukrainskogo i belorusskogo yazykov. Istoriko-dialektologicheskii ocherk* [The origin of Russian, Ukrainian and Belarusian. A historical and dialectological essay]. Leningrad: Nauka, 1972.]
- Хабургаев 1980 — Хабургаев Г. А. *Становление русского языка (пособие по исторической грамматике)*. М.: Высшая школа, 1980. [Khaburgaev G. A. *Stanovlenie russkogo yazyka (posobie po istoricheskoi grammatike)* [The development of Russian (a manual on historical grammar)]. Moscow: Vysshaya shkola, 1980.]
- Хабургаев 1990 — Хабургаев Г. А. *Очерки исторической морфологии русского языка. Имена*. М.: МГУ, 1990. [Khaburgaev G. A. *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka. Imena* [Essays on the historical morphology of Russian. Nouns]. Moscow: Moscow State Univ., 1990.]
- Хелимский 2000 — Хелимский Е. А. Фактор Мангазейского морского хода в этнонимии и топонимии. *Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи*. Хелимский Е. А. М.: Языки славянской культуры, 2000, 351–352. [Helimski E. A. The Mangazeya Sea Route factor in ethnonymy and toponymy. *Komparativistika, uralistika: Lectures and articles*. Helimski E. A. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2000, 351–352.]
- Чикачёв 1990 — Чикачёв А. Г. *Русские на Индигирке*. Новосибирск: Наука, 1990. [Chikachev A. G. *Russkie na Indigirke* [Russians on the Indigirka]. Novosibirsk: Nauka, 1990.]
- Чикачёв 2016 — Чикачёв А. Г. *Русские на Индигирке: Историко-этнографический очерк*. Якутск: Литературный фонд им. Владимира Фролова, 2016. [Chikachev A. G. *Russkie na Indigirke: Istoriko-etnograficheskii ocherk* [Russians on the Indigirka: A historical and ethnographic essay]. Yakutsk: Vladimir Frolov Literary Fund, 2016.]